

П. Бракенгеймеръ.

ГРАФЪ Л. ТОЛСТОЙ

ПЕРЕВЕДЕНО СЪ ETUDES DE CRITIQUE SCIENTIFIQUE ГЕННЕКСНА
„Ecrivains Français“.

ОДЕССА.

„Центральная типографія“ уг. Азчинникова пер. и Почтовой, № 39.

1893.

Доволено цензурою. Одесса 29 октября 1893 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ *

Начатое Достоевскимъ окончено Толстымъ. И лица въ излюбленныя Толстаго, какія бы томленія они ни испытывали въ виду задачи жизни, добиваются ея рѣшенія. Женщины, страдавшія изъ-за любви, находятъ утѣшеніе и счастье въ самой любви и въ исполненіи своихъ будничныхъ обязанностей. Что касается мужчинъ, то страданія ихъ другаго рода: ихъ преслѣдуетъ сознаніе бесполезности жизни, мучитъ ужасный вопросъ — къ чему? Это-то и мѣшаетъ имъ постоянно дѣйствовать. Они всеми средствами стараются бороться противъ этого внутренняго врага, который угрожаетъ ихъ души. Одни жертву-

* Изъ ст. Эд. Рода: „Русскій романъ и французская литература“ --- Русскій Вѣстникъ, VIII, 93.

ютъ на добрыя дѣла большую часть своего имущества, стараются улучшить положеніе крестьянъ или вдаются въ мистицизмъ; другіе, проявляютъ всю свою дѣятельность, занимаются вопросами земледѣльческими или тяжелымъ ручнымъ трудомъ. Но все это не ведетъ ни къ чему. Ни одно изъ этихъ средствъ не можетъ умирить ихъ душевныя волненія. Но вотъ спокойствіе котораго они напрасно добивались, умиротвореніе это сходитъ на нихъ точно чудомъ, какъ только они рѣшаются покориться жизни такой, какова она есть, съ ея скромными обязанностями и великими задачами. Это не безплодный и изсушающій пессимизмъ французскихъ реалистовъ. За передачу печальныхъ наблюдений является ученіе уподобляющееся тому, какое проповѣдуетъ Евангеліе. И Толстой не отдѣляетъ себя отъ изображаемыхъ имъ личностей, чтобы смотрѣть на ихъ жизнь съ улыбкой равнодушія или нѣкоторой злобы, какъ Жюль Валлесъ, напримѣръ, и многіе другіе: онъ сочувствуетъ ихъ страданіямъ, входитъ въ ихъ жизнь, любитъ ихъ.

Графъ Толстой, какъ и Достоевскій и Тургеневъ, и описывая, и разбирая лица въ своихъ сочиненіяхъ, думаетъ и о другихъ, о

людяхъ вообще, о толпѣ, которая узнаетъ ихъ, полюбитъ: быть можетъ, захочетъ имъ подражать... избынетъ ихъ ошибокъ. Поэтому-то русскіе писатели не смотрятъ на свои романы, какъ на книги ученыя, какъ смотритъ на нихъ Зола, или какъ на произведенія художественныя, какъ Гонкуръ, но какъ на акты челоуколюбія. Эта точка зрѣнія должна бы удивить французскихъ романистовъ, но они скоро поняли всю ея глубину и все ея величіе.

И, значитъ, заслуга возрожденія французской литературы принадлежитъ, не въ слабой степени, русскимъ романистамъ, успѣвавшимъ внушить и объяснить свои доктрины западнымъ читателямъ не исключительно *chefs d'oeuvre* ами своими, но, быть можетъ, и нѣкоторыми эпизодами, полными значенія, которые составляютъ родъ нравоученій, которые неизладимыми чертами запечатлѣваются въ памяти, благодаря краткости, сжатости, соединяющимъ въ одномъ захватывающемъ образѣ всю чувства и мысли, и которые составляютъ какъ бы сокъ большихъ романовъ. Такъ, характеристиченъ, напр., эпизодъ про солдата Каратаева.

Значеніе великое заключается въ произ-

IV

веденіяхъ, почерпнутыхъ въ самомъ сердцѣ
человѣчества, проникнутыхъ чувствами са-
мыми простыми, хотя бы и переданными не
по правиламъ искусства и не по традиціямъ
реторики и моды.

ГРАФЪ ЛЕВЪ ТОЛСТОЙ.

Не очень много лѣтъ тому назадъ имя графа Льва Толстаго не было извѣстно во Франціи. Только тогда узнали о славѣ этого величайшаго среди живущихъ въ настоящее время писателей, когда онъ уже пересталъ обращать вниманіе на свой талантъ и забросилъ его. Писатель, который обладаетъ высокимъ свойствомъ изображать жизнь, воспроизводить ее въ ея разнообразныхъ формахъ, понимать ее всецѣло во всеобъемлемости своего ума, отвернулся отъ самого себя, оставилъ тотъ міръ, съ которымъ ужъ вошелъ въ болѣе тѣсное общеніе, чѣмъ это, обыкновенно, доступно человѣку, и обратился къ узкому міросозерцанію монаха, котораго озабочиваетъ только отправленіе религіозныхъ обязанностей и проповѣдь ученія для нищихъ духомъ.

Характеръ, загадочность этой души, суживающейся до того, чтобы покинуть ту обшир-

ную и разнообразную область, которую она, одна изъ рѣдкихъ, была способна управлять; постепенное долговременное развитіе этой склонности къ недовольству, озабоченности, къ заблужденіямъ и страсти, которая, вслѣдствіе своей смутности и стремительности, заставила графа Толстаго считать похвальнымъ только исправленіе рода человѣческаго, описаннаго и изображеннаго въ его обширныхъ произведеніяхъ, ради достиженія большаго счастья довольно низкаго качества; этотъ расцвѣтъ крупнаго таланта и его упадокъ изслѣдуются на послѣдующихъ страницахъ съ чувствомъ горестнаго изумленія, и вмѣстѣ съ горячимъ стремленіемъ къ пониманію, котораго заслуживаетъ полная переменна столь высокаго ума.

Въ постепенныхъ фазахъ поприща этого генія, въ этомъ послѣдовательномъ переходѣ отъ страстнаго поклоненія жизни къ грустному отрѣшенію отъ нея, къ исканію спасенія въ опростеніи, въ одичаніи, въ грубомъ смиреніи культа народа выказываётся, какъ будетъ видно, преднамѣченная эволюція души, которая всегда заключала въ скрытомъ состояніи и пониманіе, и поклоненіе, и ненависть къ дѣйствительности.

I.

Произведенія Толстаго по своему содержанию реалистичны. Если перечислить великихъ писателей, драматурговъ и романистовъ, которые, увлекаясь истиной, смутно почувствовали, что человекъ, общество и природа, изображенные и воспроизведенные такими, какими они являются на самомъ дѣлѣ, составляютъ книги, которыя заслуживаютъ самаго зрѣлаго и серьезнаго удивленія; если вспомнить о Шекспирѣ, Бальзакѣ, объ угрюмомъ Флоберѣ, кажется, только трагедіямъ перваго и самымъ многолюднымъ сценамъ въ романахъ послѣднихъ и можно уподобить этотъ огромный рядъ живыхъ существъ, видовъ, дѣйствій, происшествій, народныхъ волненій, одиночныхъ мечтаній, кровавыхъ сраженій, нѣжныхъ ласкъ молодыхъ дѣвушекъ къ снисходительнымъ старымъ матерямъ, любовныхъ исторій, смертей, человѣческихъ поприщъ, этотъ краткій очеркъ всевозможныхъ существованій, который представляетъ собою „Война и Миръ“ или „Анна Каренина“. Умы наиболѣе склонные къ отрицанію прогресса въ искусствѣ и къ уваженію образцовъ.

поражаются той обширной ролью, которую эти громадные романы, превышающіе обыкновенные размѣры, даютъ стройному описанію совокупности и внутреннихъ, и внѣшнихъ соціальныхъ явленій. Недавно, даже въ самомъ обширномъ произведеніи нашей литературѣ, въ „Сентиментальномъ Воспитаніи“, если не считать, въ самомъ дѣлѣ, за одно цѣлое „Comédie humaine“ и „Rougon-Macquart“, никто у насъ не брался за задачу дать полную и сжатую картину жизни, съ такой силой и умѣньемъ обнять однимъ взглядомъ все существующее и перенести его на бумагу въ его матеріальныхъ и идеальныхъ размѣрахъ относительно времени и пространства, красоты, прелести, энергіи, силы, патетичности и мысли. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что въ одномъ изъ этихъ произведеній фигурируютъ двадцать лѣтъ изъ исторіи Европы, двадцать лѣтъ, въ продолженіе которыхъ происходило сопровождавшееся кровопролитіями появленіе на свѣтъ современнаго міра, что авторъ беретъ изобразить общественную жизнь своего народа, начиная съ крестьянъ и кончая царемъ, съ дѣтей до старухъ, съ молодыхъ дѣвушекъ до солдатъ, за этотъ

періодъ времени, знаменитый по своимъ происшествіямъ и выдающимся героямъ, что въ немъ можно найти бивуакъ, поле битвы, дворъ, клубъ, семейный очагъ, хижину, дворецъ, массы, арміи, совѣты, отдѣльныя знаменитыя личности, браки, прелюбодѣнія, рожденія, въ особенности — жизнь, медленное развитіе всѣхъ этихъ организмовъ, мягкихъ въ юности, закаляющихся въ зрѣломъ возрастѣ и слабѣющихъ отъ дряхлости. всѣ эти души, сначала легкомысленныя, потомъ серьезныя, затѣмъ увядшія и нетвердыя, пока не явится, слишкомъ рано или какъ разъ во-время, на обнаженной землѣ или на мягкомъ ложѣ крайній предѣлъ — смерть, это таинственное мгновеніе, въ которомъ, вопреки разсѣянному ужасу, нѣкоторыя въ равной степени съ наблюдающими ихъ одаренныя жизнью существа перестаютъ быть, и которое является загадочнымъ зрѣлищемъ, на которое, однако, никто изъ романистовъ не устремилъ болѣе твердаго и проникательнаго взгляда, чѣмъ графъ Толстой. Къ этому образцовому произведенію слѣдуетъ прибавить еще нѣсколько болѣе обыкновенныхъ, нѣсколько повѣстей, ро-

мань, содержащій двойной анализъ двухъ противоположныхъ родовъ любви, происходящихъ среди движенія городской и сельской жизни въ современной Россіи, страницы воспоминаній, въ которыхъ оживаетъ осада Севастополя. И, если пересчитать въ каждомъ его произведеніи толпу чело-вѣческихъ существъ съ обрисованнымъ характеромъ, изображенныхъ со всѣми особенностями своей индивидуальности и высказывающихся въ своихъ дѣйствіяхъ и рѣчахъ, поставленныхъ въ опредѣленныя границы, участвующихъ въ массовыхъ движеніяхъ, блуждающихъ, тоскующихъ, озабоченныхъ своей участью, брошенныхъ въ любящія руки или въ могилу, безъ сомнѣнія, эта живая пирамида, - имѣющая въ своемъ основаніи весь народъ и на вершинѣ нѣсколько избранныхъ душъ, будеть въ состояніи помѣряться съ самыми высокими изъ воздвигнутыхъ великими творцами чело-вѣческихъ типовъ въ нашихъ литературахъ. Совокупность происшествій, типовъ и мѣстностей, сконцентрированныхъ и вызванныхъ въ душахъ читателей этихъ нѣсколькихъ сотенъ страницъ, окажется равно-сильной опыту большаго количества лѣтъ,

большему числу наблюдений и воспоминаний, чѣмъ можно было бы ожидать, что одинъ умъ можетъ усвоить и воспроизвести.

Ни въ какомъ другомъ изъ тѣхъ произведеній, которыя наиболѣе побуждаютъ насъ къ удивленію предъ истиной и къ страстному желанію ея добиться, не чувствуется болѣе живаго влеченія ко всему существующему, къ картинамъ ландшафтовъ, къ крупнымъ внѣшнимъ дѣйствіямъ человѣческимъ, къ наиболѣе скромнымъ событіямъ въ стѣнахъ домовъ, къ сильнымъ волненіямъ, выраженнымъ въ крупинкахъ, которыя проникаютъ насквозь души и образуютъ ихъ: при помощи накопленія разсмотрѣнныхъ вблизи деталей, точности и подробности личныхъ наблюдений, при помощи этой оригинальности и живописности, которыя естественно вытекаютъ изъ свидѣтельства его органа зрѣнія, Толстой достигъ обновленія описаній самыхъ обыкновенныхъ зрѣлищъ, доведя въ самой незначительной сценѣ иллюзію до ощущенія новаго наслажденія.

Возьмемъ, на примѣръ, самую старую картину, возвращеніе весны, когда помѣщикъ Левинъ, въ „Аннѣ Карениной“, вы-

ходить въ первый ясный весенній день для того, чтобы осмотрѣть чернѣющіяся поля, выгоны, въ которыхъ мычитъ ошеломленный и опьяненный своимъ выходомъ на чистый воздухъ скотъ, а затѣмъ ѣдетъ верхомъ въ своемъ лѣсу, обвѣваемый мягкимъ вѣтеркомъ, немного свѣжимъ отъ таянія снѣга, чистая вода котораго, едва загрязненная, бѣжитъ по замерзшей почвѣ. Обыкновенные, но болѣе ясно очерченные факты, живыя ощущенія, возобновленные въ памяти наблюденіями, произведенными съ большимъ вниманіемъ и увлеченіемъ и болѣе правдивымъ, чѣмъ въ большинствѣ нашихъ реальныхъ романовъ, тѣснятся здѣсь одни за другими, какъ бы взятые прямо толстыми и крѣпкими руками, хотя, собственно говоря, здѣсь нѣтъ чисто описательныхъ мѣстъ и нельзя отдѣлить рядъ чертъ, составляющихъ картину, отъ ряда мыслей лица, присутствіе котораго въ ней служитъ поводомъ къ внесенію ея въ рассказъ. Стоитъ также перечитать замѣчательную сцену покоса, въ „Аннѣ Карениной“, когда Левинъ, утомленный спорами со своимъ братомъ, присоединяется на разсвѣтѣ къ толпѣ работниковъ, которымъ было поручено скосить

жатву на одномъ лугу, и, удручаемый усталостью, съ другой стороны — приобретаая душевный миръ въ простотѣ мыслей и стремленій среди своихъ новыхъ товарищей, подвигается впередъ, укосъ за укосомъ, съ бьющимися висками, томимый жаромъ среди остраго запаха скошеннаго сѣна, еще мягкаго отъ теплыхъ зеленыхъ соковъ.

Какъ видно по этимъ примѣрамъ, у Толстаго нѣтъ чистыхъ описаній: природа является для него только сценой для человѣческихъ дѣйствій, средой выводимой по мѣрѣ того, насколько она измѣняетъ или вызываетъ извѣстныя ощущенія, желанія или обусловливаетъ дѣйствія. Такимъ образомъ, когда преобладаютъ не эти первыя, но факты, описанія всѣ почти исчезаютъ, такъ что нельзя провести рѣзкой границы между сценами, составляющими рассказъ. Такими описаніями являются крупныя военныя сцены изъ „Севастопольскихъ Воспоминаній“ и изъ „Войны и Мира“, въ изображеніи которыхъ поразительна необыкновенная точность: рѣдкая и мелкая рельефность захватываетъ вниманіе, хотя никакія красоты рѣчи или стили не привлекаютъ его и хотя они не выдаются ничѣмъ, кромѣ наблюдательности.

воображенія и выраженія, насколько можно себя представить, близкихъ къ истинѣ. Слѣдовало бы привести битву въ Шенграбенѣ, за которой послѣдовала мрачная поѣздка князя Андрея, среди хаоса фуръ и повозокъ, нагруженныхъ ранеными, битву при Аустерлицѣ, тильзитское свиданіе, переправу чрезъ Нѣманъ, замѣчательное описаніе Бородинской битвы, гдѣ, среди дождя ядеръ или толкотни служителей, трескотни ружейной пальбы и ужасныхъ рукопашныхъ схватокъ, сверху мирно сіяетъ великолѣпное осеннее солнце, освѣщающее траву, орошенную инеемъ и капельками крови, когда тутъ же, среди сжатыхъ рядовъ безжалостно поражаемаго издали гранатами полка, князь Андрей падаетъ съ животомъ, разорваннымъ картечью, и относится въ отвратительный сарай, гдѣ скромный устроень лазаретъ. Затѣмъ являются другія сцены, и повѣствованіе объ этомъ грандіозномъ столкновеніи двухъ народовъ развертывается въ рядѣ картинъ, обрисованныхъ съ такой очевидной правдивостью, которая невольно убѣждаетъ въ томъ, что, наконецъ, удалось добиться вѣрнаго воспроизведенія войны.

Здѣсь слѣдовало бы цитировать все, и

память читателя произведенія, въ которомъ помѣщено описаніе этой битвы, вѣроятно, удерживаетъ въ себѣ много другихъ, наживо схваченныхъ и набросанныхъ эпизодовъ. Рядъ слѣдующихъ сценъ, описывающихъ пожаръ Москвы, съ сопровождающими его чувствами волненія, ужаса, разрушенія всѣхъ общественныхъ основъ, бѣшенства какого-то, мрачной жажды крови и страданій въ этомъ потерявшемъ голову населеніи, при чемъ благоразуміе отдѣльныхъ лицъ пропадаетъ во всеобщемъ безуміи, смѣняется описаніемъ казачьяго разѣзда, засѣвшаго въ тылу отступающей французской арміи, подъ проливнымъ дождемъ, въ лишенномъ листьевъ лѣсу, страннаго русскаго бивуака, гдѣ появляются двѣ истощенныя тѣни французскихъ солдатъ, быстро оправившихся, развеселившихся и увеселяющихъ всю компанію. Далѣе идутъ описанія большихъ клубныхъ обѣдовъ въ Москвѣ, аристократическихъ салоновъ въ Петербургѣ, сценъ въ семействѣ Ростовыхъ, этой бѣлой лунной ночи, которую созерцаютъ, обмѣниваясь легкими словами, изъ своего окна, Наташа и Соня; однимъ словомъ, весь этотъ рядъ, мелкихъ, обыкновенныхъ, величественныхъ,

прекрасныхъ, трагическихъ, но всегда чело-
вѣчныхъ сценъ, которыя, будучи схвачены
и воспроизведены съ силой непреодолимаго
убѣжденія, съ большимъ накопленіемъ по-
дробностей, съ точнымъ описаніемъ побоч-
ныхъ приключеній, заставляютъ читателя
колебаться между чувствами совершенно
естественной, повидимому, симпатіи и часто
оцѣпенѣлаго восхищенія, заинтересовываютъ
и привлекаютъ его, и дѣлаютъ эти книги,
которыя, хотя и являются созданіями во-
ображенія, плохо подходятъ подъ чистое
названіе романовъ, однимъ изъ наиболѣе
обширныхъ и правдивыхъ сводовъ наблю-
деній надъ нравами и личностями во всѣхъ
обыкновенныхъ и необыкновенныхъ жи-
зненныхъ случайностяхъ.

Всѣ эти сцены, въ сочиненіяхъ Толстаго,
какъ наиболѣе важныя, такъ и менѣе зна-
чительныя, которыя образуютъ самую канву
произведенія, составлены не изъ описаній,
анекдотическихъ чертъ, замѣчаній, изложен-
ныхъ писателемъ отъ своего имени, но изъ
поступковъ, рѣчей и внѣшнихъ дѣйствій
толпы дѣйствующихъ лицъ, разнообразію
которыхъ, правдивости и поразительной фик-
тивной жизненности приходится удивляться.

-Толстой принадлежит къ числу самыхъ великихъ создателей литературныхъ образовъ, какъ вслѣдствіе своего дарованія правдиваго наблюдателя, которое заставляетъ его изображать внутреннюю и внѣшнюю жизнь своихъ героевъ съ болѣе оригинальной и подробной точностью, чѣмъ его предшественники, такъ и вслѣдствіе своей созерцательности, можетъ быть, бессознательной, но глубокой и отмѣченной двумя главными и неотъемлемыми чертами всякой органической жизни и всякаго бытія: изобиліемъ внѣшнихъ проявленій и поддержаніемъ опредѣленнаго равновѣсія между измѣнчивостью и постоянствомъ. Жизненность дѣйствующихъ лицъ у русскаго романиста является слѣдствіемъ того, что съ врожденнымъ чувствомъ всего возможнаго и человѣческаго жизнь ихъ изображается передъ нами съ такимъ обиліемъ описаній, происшествій, поступковъ и жестовъ, что безостановочная нить ихъ дѣйствій кажется намъ почти непрерывной и образуетъ полное и всестороннее развитіе существованія, въ которомъ тонкое равновѣсіе поддерживается между постоянными и переменными, случайными и нелогичными формами этой

дѣятельности; жизнь реально живущаго существа является непрерывнымъ теченіемъ дѣйствій, мыслей, душевныхъ волненій и движеній: мы узнаемъ и видимъ его существованіе тѣмъ лучше, чѣмъ больше открывается предъ нами его проявленій; а эти послѣднія тѣмъ болѣе правдивы и способны дать представленіе о личности, чѣмъ болѣе они тождественны съ точки зрѣнія обрисовки характера и чѣмъ болѣе представляютъ они медленныхъ или внезапныхъ перемѣнъ, сообразно возрасту, общественнымъ условіямъ и положенію, мгновенныхъ реакцій, вызываемыхъ происшествіями, надолго отражающихся кризисовъ и, наконецъ, той простой жизненной подвижности идей и чувствъ, которая постепенно или внезапно обнаруживаетъ на неизмѣнномъ фонѣ души новыя стороны.

Осуществленіемъ этихъ двухъ условій относительно количества и связности данныхъ о дѣйствующихъ лицахъ, явной и убѣдительною реальностью индивидуальности всѣхъ ихъ и опредѣляется все искусство Толстаго въ очерчиваніи характеровъ. Ни одинъ писатель не даетъ болѣе полной и всесторонней обрисовки правдивыми чер-

тами своихъ созданий, не ставитъ себѣ болѣе открыто цѣлью раскрытіе ихъ характеровъ при помощи рассказовъ и сценъ, вымыселъ которыхъ является даже въ глазахъ самаго внимательнаго наблюдателя точнымъ, совершеннѣйшимъ подражаніемъ тому, что представляетъ жизнь. Отрѣшившись отъ обязательствъ, налагаемыхъ на англійскихъ и даже на французскихъ романистовъ заботой о живости дѣйствія и инстинктивнымъ предпочтеніемъ прогрессивнаго и прямолинейнаго веденія разсказа, позволяя себѣ, при явномъ пренебреженіи къ удобствамъ читателя, длинноты, отступленія, повидимому, не нужные эпизоды, подчеркиванія и запутанность, происходящую отъ разнообразія содержанія различныхъ главъ, русскій романистъ увеличиваетъ число сценъ, въ которыхъ выводитъ свои главныя дѣйствующія лица, посвящаетъ много мѣста также и эпизодическому и наполняетъ свои произведенія множествомъ въ совершенствѣ обрисованныхъ и выставленныхъ съ различныхъ сторонъ или дѣятельности лицъ, полными иногда неполными біографіями, описаніями карьеръ, значительныхъ движеній, замѣчательными сценами, разсказами цѣлыхъ

эпизодовъ, внезапными, ясными и поразительными явленіями, которыя, будучи наблюдаемы удивительнымъ знатокомъ челоѣческой природы, показываютъ цѣлую тьму необыкновенно жизненныхъ существъ.

Толпа большихъ городовъ, молчаливость и рѣшительное настроеніе войскъ наканунѣ битвы, психологія служителей и младшихъ офицеровъ передъ залпомъ или полка на смотре совершенно естественно вырисовывается подъ его перомъ, равно какъ и нравственная атмосфера правительственнаго комитета, военнаго совѣта генераловъ, дипломатическаго великосвѣтскаго салона или болтовня кортежа узниковъ или толпы дѣтей. Но не въ этихъ, такъ сказать, минутныхъ и быстро размножающихся твореніяхъ заключается особенность таланта Толстаго. И другіе до него набросали однимъ взмахомъ пера въ равной степени поразительные портреты и картины: онъ особенно замѣчателенъ своей манерой изображать цѣлыя существованія, описывать, посредствомъ постепеннаго и медленнаго накопленія сценъ, рассказовъ и указаній, весь жизненный процессъ съ его измѣненіями, уклоненіями и неизмѣнными особенностями су-

щества, прослѣженнаго отъ одного конца до другаго цѣлаго поприща или нѣкоторой лишь его части.

Толстой не стѣсняетъ себя какими-либо исключительными приѣмами, чтобъ имѣть возможность свободно характеризовать героевъ своихъ романовъ, наблюдая ихъ въ теченіе долгаго времени.

Для того, чтобы придать жизненность своимъ созданнымъ такимъ образомъ твореніямъ, онъ прибѣгаетъ къ драматическимъ ситуаціямъ, выясненію характеровъ посредствомъ дѣйствій и рѣчей, къ монологамъ, по образцу Стендаля, къ личнымъ разсужденіямъ. И Вронскій, и Левинъ, и Анна, въ „Аннѣ Карениной“, князь Андрей, Пьеръ, Наташа. Николай Ростовъ, въ „Войнѣ и Мирѣ“, дѣлая и выслушивая признанія, своими дѣйствіями, рѣчами и мыслями обнаруживаютъ каждый свой характеръ столькими характеристичными проявленіями, въ теченіе столь продолжительнаго промежутка времени, что само зрѣлище ихъ жизни не могло бы дать о нихъ болѣе яснаго представленія. Въ „Войнѣ и Мирѣ“ пылкій, проникательный, упорный, со своею тайной сентиментальностью разочарованнаго мысли-

теля, — князь Андрей Болконскій переносится отъ шумныхъ полей битвы къ болливости великосвѣтскихъ салоновъ, лишенный своего имущества, охваченный нѣжною любовью, затерянный въ лабиринтъ утраченныхъ и снова лелѣемыхъ вѣрованій, принимая участіе во множествѣ историческихъ и частныхъ событій, волнуемый безчисленными мыслями и чувствами, пока, смертельно раненный, уже въ своей долгой агоніи, не замѣчаетъ сквозь разорванныя завѣсы разрѣшенія всѣхъ бѣдствій, для того чтобы тихо угаснуть, забывая въ своихъ ужасныхъ созерцаніяхъ о землѣ. Плотный и массивный Пьеръ, болѣе похожій съ громаднымъ своимъ тѣломъ и плотскими инстинктами, на животное, глухо подтачиваемый тѣми же заботами, влюбленный въ людей и обманувшійся въ нихъ, сбитый съ толку теософическими и религіозными системами, поочередно привлекавшими его, отдается порывамъ своей религіозности и своихъ инстинктовъ и ведетъ вмѣстѣ со своими клубными сотоварищами грубую чувственную жизнь, пока, бродя въ тревогѣ среди толпы и сталкиваясь лицомъ къ лицу со смертью, среди смятенія занятой непріятелями Москвы, не

встрѣчаетъ между плѣнниками, къ которымъ присоединяется, бѣднаго солдата изъ мужиковъ: лишь этотъ его утѣшаетъ и водворяетъ навсегда въ душѣ его миръ нѣсколькими простыми, добрыми словами; онъ выходитъ изъ этого кризиса почти исцѣленнымъ, вступаетъ въ счастливый бракъ, хотъ и остается все съ какимъ-то смутнымъ безпорядкомъ въ неоправившемся разсудкѣ, побуждающемъ его пускаться въ политическія случайности. Съ такой же проникательностью, вѣрностью и изобиліемъ сценъ Толстой, переступая границы половъ, усваиваетъ съ одинаковымъ талантомъ и женскій характеръ. Никогда еще лукавая, легкая и нѣжная прелесть маленькой дѣвочки не была изображена съ большимъ искусствомъ, чѣмъ въ характерахъ Наташи и Сони, въ „Войнѣ и Мирѣ“. Первая особенно восхитительна со своими играми, дѣтскими страстями, со своей граціей миниатюрной танцорки и своимъ горломъ пѣвчей птички, своимъ первымъ баломъ, полнымъ, благо-разумнымъ и нѣжнымъ участіемъ въ семейныхъ дѣлахъ, со своими ошеломляющими ласками въ разговорѣ съ матерью, своей первой любовью къ князю Андрею, вне-

запными припадками скуки и недовольства, слѣпой и безумной страстью, оттолкнувшей ее отъ жениха, со своей грустью помятаго цвѣтка, своимъ возвращеніемъ къ жизни и удивительнымъ свиданіемъ со своимъ возлюбленнымъ, умирающимъ и онѣмѣвшимъ во мракѣ надвигающейся смерти, забившись томно у ногъ котораго она и успокоивается. Безъ сомнѣнія, ничуть не ниже ея является Анна Каренина, честная, прекрасная, достойная высокой любви женщина, съ немного безумными глазами, которая, встрѣтившись съ Вронскимъ на балу и отдавшись ему, отказывается отъ него, потомъ опять отдается, компрометируетъ себя, убѣгаетъ, наконецъ, со своимъ любовникомъ и, охваченная съ этихъ поръ неотступнымъ недовольствомъ существа, не увѣреннаго въ своемъ единственномъ имуществѣ, влачить подлѣ этого деликатнаго человѣка ужасное существованіе женщины, совершившей прелюбодѣяніе, и, подтачиваемая этой неизвѣстностью, хватаясь руками за пустоту, погибаетъ въ лихорадочномъ самоубійствѣ. Въ романѣ, гдѣ изображена горячая жизнь этой героини, можно прослѣдить ту же мелочную работу обрисовки, при помощи

большаго количества происшествій, характеровъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ: цѣлый періодъ ихъ жизни изображенъ передъ нами въ безчисленныхъ моментахъ, какъ, напримѣръ, въ изображеніи Вронскаго, свѣтскаго человѣка, съ прекрасной, элегантной наружностью, съ немного тяжело-ватымъ умомъ, благороднаго, постояннаго, деликатнаго, достойнаго любви, и возвышающагося иногда до великихъ человѣческихъ идей, чуждыхъ его кастѣ, — или Левина, болѣе простаго и глубокаго, изображеннаго въ своихъ сельскохозяйственныхъ занятіяхъ и въ томительныхъ размышленіяхъ о цѣли и смыслѣ жизни. И всѣ эти перво-степенныя дѣйствующія лица, какъ и тѣ, о которыхъ мы не упоминали, безпрестанно присутствуя на сценѣ, доказывая свое существованіе въ непрерывномъ числѣ сценъ, вызванныхъ не столько ходомъ разказа, сколько потребностью высказаться, чувствуемой авторомъ и, если можно такъ сказать, ими самими, именно вслѣдствіе своего постояннаго пребыванія на виду, являются безспорно жизненными. При созданіи своихъ произведеній Толстой, вопреки романистамъ идеальнаго направленія, осуществляетъ одинъ

изъ главнѣйшихъ законовъ всякой жизненности или оживленія: онъ сумѣлъ инстинктивно угадать и затѣмъ доказать, что живое существо не можетъ быть описано въ тѣсныхъ предѣлахъ одного ряда связанныхъ, драматическихъ происшествій и одного дѣйствія, предѣлахъ, постоянно переступаемыхъ разнообразностью физическихъ и психическихъ фактовъ, центромъ которыхъ оно оказывается, что человѣкъ болѣе или менѣе постоянно является совершеннымъ, разнообразнымъ, сложнымъ и бесконечно измѣнчивымъ микрокосмомъ, — что романъ, если желаетъ быть картиной жизни и обладать ея важностью и значеніемъ, долженъ быть настолько же сложнымъ и разнообразнымъ, какъ и она сама: построенное на такомъ глубокомъ созерцаніи произведеніе уже потеряетъ въ законченности, въ искусственной сосредоточенности впечатлѣнія, въ неестественномъ единствѣ характеровъ. Такъ. Зато оно будетъ въ состояніи возвыситься до животрепещущаго и тонкаго разнообразія дѣйствительныхъ фактовъ и характеровъ, такъ что обнаружить такое же изобиліе контрастовъ и тонкихъ подробностей, какое встрѣчается въ природѣ, гдѣ индивидуумы,

въ концѣ концовъ, являются только точками отраженія подъ извѣстнымъ угломъ всѣхъ вещей, мелкими по необходимости дѣйствующими одинаково частицами.

Эти углы также измѣняются, частицы эти не остаются одинаковыми, постепенно или внезапно попадая подъ вліяніе новыхъ факторовъ, конечнымъ слѣдствіемъ чего обнаруживается сложность отношеній каждаго человѣка къ другимъ. Сообразно съ мѣстомъ и временемъ, съ измѣненіемъ силы сопротивленія со стороны обстоятельствъ, одного какого-нибудь слова или поступка, сообразно съ еще болѣе темными внутренними вліяніями, неустойчивостью внутренняго равновѣсія, молчаливыми порывами крови или мыслей, измѣняются, развиваются, проходятъ мимо дѣйствующія лица въ романахъ Толстаго, подобно волнамъ, которыя мѣняются и отъ ударовъ вѣтра, и отъ взаимнаго столкновенія, и отъ возвышенія берега, у котораго онѣ и разбиваются. Ни у одного изъ нашихъ романистовъ, одаренныхъ такой же силой таланта, ни у Бальзака, ни у Стендаля, ни у Флобера, которые, однако, и особенно послѣдній, понимали человѣческую измѣнчивость, не отмѣчено съ такой силою

вліяніє времени на теченіє жизни. Благодаря обширности періодовъ времени, которые онъ сумѣлъ охватить, дѣйствующія лица растутъ, расцвѣтають и опадають, подобно деревьямъ: появляются, блестятъ, начинаютъ мерцать и, наконецъ... угасають. Кажется, будто романистъ находится въ центрѣ и слѣдуетъ за медленно движущимися волнами, которыя заставляютъ скалы отвердѣвать, а затѣмъ вывѣтриваться, растенія расцвѣтать и блекнуть, животныхъ укрѣпляться и дряхлѣть, которыя толкають дѣтей къ юности, а молодыхъ и подвижныхъ энтузіастовъ къ возрасту эгоистично установившихся убѣжденій, которыя сушатъ женщинъ и мужчинъ, изнуряють и приводятъ къ болтливой или злобной старости: и такъ проходитъ жизнь человѣческая, отъ рожденія до смерти, среди незамѣтныхъ пріобрѣтеній и часто непоправимыхъ потерь. „Война и Миръ“ и „Анна Каренина“ собственно не имѣють никакого сюжета, ни драматическаго, ни психологическаго. Эти романы вовсе не являются, какъ нѣкоторые говорятъ, анализомъ какого-нибудь отдѣльнаго душевнаго состоянія, страсти, способности или происшествія: они заключаютъ въ себѣ именно

жизнь, всю жизнь многочисленной группы людей разныхъ возрастовъ, прослѣженныхъ шагъ за шагомъ, въ теченіе промежутка времени въ двадцать лѣтъ, до важнаго на ихъ поприщѣ кризиса. Возьмемъ ли мы княжну Китти Щербацкую, въ послѣдней изъ этихъ книгъ, простую, любящую и веселую дѣвушку, которая, будучи обманута въ своей любви, заболѣваетъ, впадаетъ въ припадки болѣзненной религіозности, снова охватывается любовью, дѣлается обыкновенной любящею женщиной, а затѣмъ матерью, мало-по-малу замыкаясь въ тѣсную сферу домашнихъ радостей и заботъ, или различные фазисы страсти Анны Карениной, по мѣрѣ увяданія ея лучезарной красоты; возьмемъ ли Вронскаго, Левина, другихъ дѣйствующихъ лицъ этого оживленнаго романа, мы увидимъ, что они живутъ въ самомъ точномъ и ужасающемъ значеніи этого слова: проходятъ, поднимаются, опускаются, уносимыя медленнымъ теченіемъ переменъ, которыя даютъ неизмѣнному фону ихъ бытія переменчивыя окраски. И это новое искусство, которое передаетъ то, что составляетъ собственно сущность жизни, именно — ея несовершенство, ея подвижность,

медленное сгораніе цѣлыхъ тысячъ пылающихъ и обращенныхъ въ пепель фигуръ, проявляется съ еще болѣе высокимъ совершенствомъ въ самомъ крупномъ произведеніи Толстаго, въ „Войнѣ и Мирѣ“: и въ немъ нѣтъ ничего болѣе тождественнаго съ дѣйствительностью, чѣмъ возрастающее, медленное преобразование душъ, всегда одинаковыхъ и всегда новыхъ въ своемъ постепенномъ развитіи. Расцвѣтъ красоты и прелестныхъ глазъ ребенка Наташи въ живую смѣющуюся прелесть молодой дѣвушки, наиболѣе тонкой и животрепещущей, граціозно и нѣжно прекрасной изъ всѣхъ встрѣчающихся въ книгахъ, — ея безумная страсть и покорная грусть стоятъ рядомъ съ постепеннымъ ожесточеніемъ князя Болконскаго, властнаго, безумно-гнѣвнаго, часто выходящаго изъ себя и опустившагося, наконецъ, на ложѣ смерти до боязливой нѣжности стараго ребенка, нуждающагося въ чужой помощи. Нѣтъ ничего болѣе вѣрно схваченнаго, чѣмъ мужественное развитіе Николая Ростова, его энтузіазма, его робкаго, наивнаго и хвастливаго великодушія въ его юности. — отличившагося крупными увлеченіями своей молодости, спокойнымъ пере-

ходомъ къ эгоистическимъ интересамъ, радостямъ и горестямъ практической жизни въ зрѣломъ возрастѣ. Если существуетъ что-нибудь выдающееся въ смыслѣ изображенія образованія характера, то это исторія графа Безухова, проходящаго со своимъ тоскливымъ добродушіемъ чрезъ всѣ ступени распутства, духовныхъ попытокъ, свѣтскихъ развлеченій, опьяненія, героическаго самопожертвованія въ пользу отечества, романической любви, старѣющаго такимъ образомъ и мало-по-малу сокращающаго свои требованія всеобщаго объясненія и, въ концѣ концовъ, удовольствовавшася, не оставляя нѣкоторыхъ политическихъ утопій, простымъ супружескимъ счастьемъ и нѣсколькими добрыми наставленіями. Всѣ дѣйствующія лица, окружающія его, двигаются каждое по своему пути, сообразуясь съ жизнью, покоряясь теченію времени, испытывая тяжелое давленіе событій, мѣняя мало-по-малу, безъ всякаго постоянства, всѣ формы своего измѣнчиваго существа, которое живетъ только въ силу того, что въ каждое мгновеніе перестаетъ быть тѣмъ, чѣмъ было.

Это превращеніе бываетъ медленно, ино-

гда монотонно и производится медленнымъ теченіемъ времени; но чаще всего переменны являются внезапными и замѣтными: неожиданныя потрясенія, вліяніе событій вызываютъ въ душахъ важныя и рѣшительныя реакціи, рѣзкіе порывы, рѣшительныя повороты, которыми обозначаются періоды ихъ очищенія; иногда же эти переменны происходятъ отъ непостоянства души, отъ колебанія ея сложнаго равновѣсія, нарушаемаго внутренними измѣненіями и приводимаго въ движеніе безконечными отголосками, которые преобразуютъ все существо человѣка. И тутъ также Толстой съ удивительнымъ искусствомъ умѣетъ обнаружить тревожное положеніе своихъ дѣйствующихъ лицъ и съ большою полнотью объяснить ихъ, пользуясь этими мимолетными или рѣшительными страстями. Онъ описываетъ впечатлѣніе, произведенное пребываніемъ въ усадьбѣ Волконскихъ красиваго молодаго человѣка на живущую въ уединеніи некрасивую и чистую сестру князя Андрея, или глубокое волненіе, вызванное присутствіемъ этого имѣющаго у женщинъ успѣхъ человѣка — въ Наташѣ, помолвленной, но оставленной и томящейся безсильной тоской

по своемъ отсутствующемъ женихѣ. Романистъ отмѣчаетъ странное наслажденіе Николая Ростова, когда онъ, проигравшись въ карты, входитъ въ семейную гостиную и слышитъ поразительно чистую ноту, повторяемую его сестрой. Всюду указывается удивительное свойство человѣческой души подчиняться условіямъ окружающей ее среды. При болѣе высокихъ обстоятельствахъ это видно на князѣ Андреѣ, который, будучи тяжело раненъ при Аустерлицѣ, при своемъ паденіи замѣчаетъ однимъ взглядомъ, занятымъ зрѣлищемъ людской жестокости, глубину голубаго, неизмѣннаго неба, развертывающаго въ глубокомъ спокойствіи безконечнаго свой безмолвный сводъ надъ дымомъ и гуломъ канонады, — или на Пьерѣ, который рѣшился убить Наполеона, при его вступленіи въ Москву, и обдумываетъ это кровавое предпріятіе, но утрачиваетъ всю эту напускную свирѣпость послѣ обмѣна нѣсколькими словами въ незначительномъ разговорѣ съ однимъ французомъ, послѣ чего онъ, противъ своей воли, чувствуетъ себя охваченнымъ узами общественной жизни. Другіе примѣры этого знакомства съ психологическими кризисами и съ активнымъ

вліяніемъ обстоятельствъ на людей можно найти въ „Аннѣ Карениной“, въ нравственныхъ переломахъ Левина и въ пустой любовной исторіи между Сержемъ и Варенькой.

Вотъ тайны, которыя Толстой схватываетъ у жизни, чтобы вѣрно воспроизвести ее: она представляется ему дѣятельной, стремительной, безконечно разнообразной и экспансивной; онъ ее изображаетъ развивающейся, проходящей чрезъ всѣ фазы, являющіяся слѣдствіемъ порчи отъ времени организмовъ; онъ описываетъ ее измѣнчивой, подчиняющейся внѣшнимъ вліяніямъ, запечатлѣнной всѣми нелогичными и неподдающимися расчету случайностями, которыя происходятъ отъ ея сложности и образуютъ ея неуловимое непостоянство.

И, однако, какъ ни велико это непостоянство, измѣненія и дряхлость, дѣйствующія лица Толстаго, со своимъ разнообразіемъ и многосторонностью, являются отдѣльными индивидуумами, постоянно остающимися тождественными самимъ себѣ и обладающими собственнымъ, тѣсно опредѣленнымъ характеромъ. не могущимъ быть ни замѣненнымъ, ни обобщеннымъ.

Какъ бы высоко ни ставилъ онъ свои

созданія, какъ ни знаменательно и поучительно ихъ поведеніе, если даже взять, для примѣра, Пьера, Левина, солдата Каратаева, въ которыхъ лучше всего выразилось моральное ученіе поэта, все-таки его дѣйствующія лица остаются людьми, заключающими въ себѣ постоянныя, не передаваемые другимъ, сложныя и оригинальныя черты.

Для того, чтобы сообщить жизненность этимъ людямъ, которыхъ могли бы назвать типами, писатель снабжаетъ ихъ постоянно посторонними чертами, вводитъ эпизоды и мелкія приключенія, усложняетъ и разнообразить всѣми способами, постоянно ставить ихъ въ противорѣчіе съ самими собою; однимъ словомъ, употребляетъ не обыкновенныя романическія приемы, по которымъ слѣдовало бы придать возможно болѣе правдоподобности и простоты, но нѣкотораго рода фиктивный историческій методъ, по которому сначала устанавливается существованіе дѣйствующаго лица, а затѣмъ излагается его исторія, не выпуская отступленій и противорѣчій. Пьеръ, безъ сомнѣнія, является, съ нѣкоторыхъ сторонъ, олицетвореніемъ русской національности и Россіи, со своей тяжестью, добродушіемъ,

неотесанностью, тяжелыми животными инстинктами, смутнымъ безпокойствомъ и неуѣніемъ найти смыслъ жизни; но въ то же время онъ является самымъ обыкновеннымъ гулякою, идеалистомъ, восхищающимся Наполеономъ и франкмасонствомъ, человѣкомъ робкимъ, неловкимъ, близорукимъ, влюбленнымъ, немного рѣзкимъ со своими слугами, мужемъ, находящимся въ странныхъ, полныхъ гнѣва и слабости, отношеніяхъ со своей женою. Точно также Каратаевъ, этотъ привѣтливый и общительный солдатъ, который олицетворяетъ добродушіе русскаго народа, является совершенно ясно очерченнымъ, со своеобразной фізіономіей, очень разсудительнымъ человѣкомъ, поступковъ котораго нельзя было бы предвидѣть по какому-либо одному опредѣленному плану. Если сопоставимъ теперь съ этими сомнительными лицами всю толпу мушинъ и женщинъ, оживляющихъ романы Толстаго, припомнимъ себѣ все это собраніе граціозныхъ, мужественныхъ, старческихъ, почтенныхъ, благородныхъ или низкихъ фізіономій, отъ капитана Тимохина до Сони и отъ полковника Берга до княжны Волконской, переберемъ въ памяти Каренина, Дронушку,

Долохова, князя Василя и княжну Елену, сопоставимъ ихъ съ обыкновенными типами молодой дѣвушки, офицера, развращенной женщины, управляющаго, историка, чиновника, такими, какими изобразилъ бы ихъ Викторъ Гюго, мы сразу уловимъ разницу между этими двумя манерами и между существомъ, дѣйствительно живущимъ своей особенной жизнью, и холоднымъ олицетвореніемъ какой-либо идеи, которое не имѣетъ другаго права на жизнь, кромѣ слова, его обозначающаго.

Въ произведеніяхъ Толстаго выводятся лица, воспроизведенныя со своимъ главнымъ признакомъ, или свойствомъ отдѣльныхъ существъ, которыя не имѣютъ себѣ подобныхъ и не служатъ типами другихъ; между тѣмъ какъ, съ одной стороны, съ удивительнѣйшимъ искусствомъ прямаго наблюденія подмѣчено то, что они имѣютъ въ себѣ отличнаго отъ другихъ и особеннаго, въ нихъ, съ другой стороны, одинаково превосходно переданы общія стороны, при помощи которыхъ они соприкасаются съ жизнью, безконечное число ихъ внѣшнихъ проявленій и измѣненія этихъ послѣднихъ, сообразно съ временемъ и поло-

женіемъ. Вотъ въ чемъ заключаются отвле-
ченныя и холодныя правила, на которыхъ,
какъ жатва на темной почвѣ, распускается
чудный цвѣтникъ характеровъ и жизни,
какимъ являются произведенія Толстаго.

Этотъ существенный характеръ содер-
жанія опредѣляетъ и характеръ его формы.
Мелочи слога, связь отдѣльныхъ фразъ, со-
держаніе и порядокъ главъ, ихъ число, раз-
витіе происшествій — вся эта внѣшняя сто-
рона произведенія подчинена необходимости
обнять въ немъ сумму психическихъ и внѣ-
шнихъ фактовъ, которые одушевляютъ поэта,
питаютъ его душу. Эти факты, сцены,
въ которыхъ они представляются, обстоя-
тельства, вызывающія ихъ, безчисленны. Съ
другой стороны, они не могутъ быть све-
денными въ отдѣльныя серіи, какъ проис-
шествія простаго разсказа, ни быть резю-
мированными, по взаимнымъ отношеніямъ
между собою, въ законы, какъ это сдѣ-
лалъ бы философскій умъ, болѣе заботя-
щійся объ ихъ классификаціи, чѣмъ о вос-
произведеніи. Толстой принужденъ, чтобы
дать выходъ множеству тѣснящихся въ немъ
образовъ, фактовъ и характеровъ, небрежно
относиться къ разсказу, описаніямъ, къ по-

слѣдовательности изложенія и усложнять, на-сколько позволяютъ это писательскія традиціи, рядъ происшествій и разнообразныхъ интригъ въ своихъ романахъ, чтобы, при помощи этого приѣма, представить почти единовременно и параллельно свои многочисленныя дѣйствующія лица.

Весь тонъ разсказа въ „Войнѣ и Мирѣ“ и въ „Аннѣ Карениной“ свидѣтельствуетъ о беззаботности и неспособности поэта въ этомъ отношеніи. Если переводъ его произведеній не позволяетъ точно узнать свойства его стиля, то отсутствіе приличнаго строя фразы, выдержанности слога, ясно опредѣленнаго тона, бѣдность оборотовъ и выраженій совершенно ясны: и по нѣкоторымъ деталямъ, какъ, на примѣръ, плохо выдержанныя сравненія въ „Войнѣ и Мирѣ“*), можно судить о недостаточности старанія относительно изложенія. Если мы перейдемъ теперь отъ этой чисто внѣшней стороны отдѣлки слога къ подробностямъ описаній, къ развитію положеній и идей, къ изложенію событій, то мы встрѣтимся съ цѣлымъ рядомъ недомолвокъ, длиннотъ, подчерки-

*) III гл., 263 стр. и 266.

ваній безъ всякой видимой причины, подобныхъ дѣйствию слабѣющей, затѣмъ дрожащей, снова гнущейся, подъ бременемъ огромнаго напряженія, и затѣмъ покидающей работу руки. Сравнимъ его приемы вырисовки крупныхъ картинъ, анализа крупныхъ сценъ съ приемами французскихъ реалистовъ, преемниковъ, въ отношеніи стиля, романтиковъ: мы будемъ поражены отсутствіемъ силы, вѣрности, блеска, выдержанности интереса, истощеніемъ сюжета, большимъ количествомъ страницъ, усѣянныхъ, однако, неожиданнымъ скопленіемъ обстоятельствъ, составляющихъ какое-нибудь цѣлое.

Слогъ слабѣетъ, затѣмъ усиливается крупными штрихами, распредѣляя совсѣмъ несогласно съ требованіями содержанія силу и мягкость, подчеркивая, резюмируя въ короткихъ фразахъ, снова опускаясь и принимая тонъ обычный, подобно эскизамъ лѣниваго художника, то чувствительнаго, то равнодушнаго къ прелести того, что онъ пишетъ: онъ богатъ скучными накопленіями подробностей и внезапными порывами чело-вѣка, котораго все интересуеть, и вниманіе котораго отвлекается отъ всего чѣмъ-то другимъ. Въ самыхъ сильныхъ драматиче-

скихъ сценахъ, на примѣръ, въ сценѣ убійства сына купца Верещагина московской чернью въ моментъ отъѣзда губернатора Ростопчина, этого ужаснаго, дикаго поступка, совершеннаго опьяненными и пораженными своимъ звѣрствомъ звѣрями, или въ сценѣ самоубійства Анны Карениной, когда эта высокая женщина бросается на колѣни среди нумнаго вокзала подъ темную массу катящагося вагона; или при передачѣ мѣлей Левина, послѣ его разговора съ мужикомъ, измѣнившаго всю его жизнь, — можно въ описаніи фактовъ и идей змѣтнуть два элемента: быстрое изложеніе и внезапный, сильный интересъ, которые своимъ чередованіемъ, подобнымъ весьма мерцанію пламени, наполняютъ всѣ почти произведенія Толстаго. То же можно сказать и о превращеніяхъ Пьера, о пышной и тревожной смерти графа Безухова, обо всей барской и семейной жизни Ростовыхъ. И, если кому-нибудь желательно ясно увидѣть это чередованіе небрежности и пылкости, въ которыхъ, при бѣдности переводнаго языка, заключается красота по временамъ великолѣпнаго стиля Толстаго, пусть онъ возьметъ рядъ главъ, гдѣ медленно описывается агонія князя

Андрея, у котораго при Бородинѣ разорвало гранатой животъ: тамъ онъ увидить, съ какимъ удивительнымъ искусствомъ поэтъ умѣетъ отгнать рассказъ событій этими грандіозными тяжелыми фразами, рисующими съ небывалой силой тайну ослабѣванія и смерти человѣка въ теплыхъ рукахъ живыхъ людей.

Вслѣдствіе такихъ несовершенныхъ и грубыхъ пріемовъ, сцены и рассказы, эпизоды, отступленія, умственные кризисы, дѣйствія и столкновенія, перепутываются въ этихъ странныхъ романахъ, какъ пучки лианъ. Левинъ и его жена. Каренинъ, Анна, Вронскій, Облонскій и Долли, семейство Щербацкихъ, друзья и подруги всѣхъ этихъ людей, дѣти, слуги и мужики дѣлаютъ этотъ современный романъ Толстаго весьма запутаннымъ, смутнымъ, многолюднымъ и сложнымъ произведеніемъ, которое нарушаетъ всѣ правила единства и чистоты, съ какими мы свыклись. Но что представляетъ эта сложность въ сравненіи съ сложностью трехъ огромныхъ томовъ „Войны и Мира“, въ которыхъ полныя жизнеописанія князя Андрея, Пьера, Николая Ростова, смѣшиваясь съ описаніемъ судебъ членовъ

ихъ семействъ и окружающихъ ихъ лицъ и знакомыхъ, ведутся среди грандіозныхъ описаній битвъ, переговоровъ, свиданій, въ которыхъ фигурируютъ всѣ знаменитыя личности данной эпохи, среди народныхъ, сельскихъ и общественныхъ сценъ, изъ которыхъ составляется вся политическая и внутренняя жизнь народовъ! Въ пренебрегающемъ всякими удобствами читателя изложеніи этого растянутого произведенія, безпорядочнаго во всѣхъ его частяхъ, безобразнаго, сѣраго и огромнаго, какъ туча, выказывается во всемъ своемъ блескѣ то, что составляетъ сущность и обуславливаетъ первостепенный талантъ Толстаго: подобный огромному поднимающемуся потоку жизни, широко обнимая всѣ живыя существа, смѣшивая вымышленныя и историческія лица, соединяя въ одномъ медленномъ и простомъ усилии всѣ частныя происшествія, цѣлыя эпохи и громадныя, всѣмъ извѣстныя катастрофы, которыя разыгрались на этомъ смиренномъ фонѣ, вдохновляя хоры и корифеевъ этой великой драмы, ихъ вождей и темную „массу“ ея жертвъ и зрителей, — этотъ романъ является книгой человечества, „массы“. блѣднаго расцвѣта

жизни. Предоставленная полному развитію чрезмѣрной творческой способности, эти страницы, лишенная всякаго поучительнаго смысла, имѣютъ самую высокую цѣль, какую только можно представить, а именно: сопоставленіе, изображеніе и освѣщеніе широкой совокупности тѣхъ жизненныхъ фактовъ, на которыхъ, въ концѣ концовъ, сосредоточиваются надежды, чувства любви, страха и ненависти. Толстой устремилъ на толпу нашихъ братьевъ и непріятелей свой свѣтлый и спокойный взглядъ, наиболѣе пронизательный изъ всѣхъ вынесенныхъ ими, и, наложивъ на нихъ свои широкія и спокойныя руки, бросилъ на свое произведеніе то множество существъ, душъ и тѣлъ, которую онѣ захватили, цѣлую часть творенія, спасенную, въ своей духовной формѣ, отъ разрушенія времени, еще влажную отъ внезапно прекратившейся жизни, мягкую, гибкую, сохраняющую свой цвѣтъ и шумъ: нѣжно выхваченный и сохраненный въ цѣлости, какъ того требовала его цѣнность, и оставленный въ безпорядкѣ, вслѣдствіе своей мягкости, этотъ удивительный уловъ живыхъ существъ обусловилъ прелесть и форму произведенія, въ

которыхъ дышетъ нѣжное ихъ оживленіе. Такимъ приблизительно образомъ „Война и Миръ“ достигаетъ настоящей цѣли реального романа — заключать въ себѣ не отдѣльный и обособленный случай, которому лишь изъ вѣжливости отдаются симпатіи, но какую-нибудь широкую общественную картину, такъ чтобы удовлетворить самому глубокому и всеобщему изъ человѣческихъ интересовъ, — тому, который связываетъ cadaго отдѣльнаго человѣка съ совокупностью всѣхъ другихъ, со всѣмъ міромъ.

Толстой до сихъ поръ далъ наиболѣе широкую картину такого рода. Онъ наблюдалъ ее: онъ освобождаетъ ее отъ посторонняго и возстановляетъ въ первоначальномъ видѣ, — съ душой, сначала охваченной глубокой любовью, затѣмъ утратившей ее, обманувшейся и презрительно отвернувшейся, далеко убѣгая, въ концѣ концовъ, и успокоиваясь въ смиреніи, предписываемомъ религіей, ученіе которой примиряетъ его любовь съ его заблужденіями.

II.

Всѣ описанія и дѣйствующія лица, изложеніе и форма, являющіяся живыми средствами, при помощи которыхъ поэтъ старается фиктивно воспроизвести нѣкоторыя части и стороны дѣйствительности, составляютъ въ совокупности зрѣлище, красота котораго измѣряется важностью и силой производимаго впечатлѣнія. И книги могутъ восхищать, воодушевлять насъ, могутъ производить настоящее свое живое, артистическое дѣйствіе, только представляя мѣста, людей, сцены и мысли, не въ видѣ предметовъ науки или опыта, сообразуясь съ классификаціей знанія, но какъ предметы чувства, изъ которыхъ каждый изученъ въ теченіе долгаго времени, отдѣльно, просто и непосредственно, при помощи акта, который вызываетъ ихъ въ дунѣ читателя, при чемъ они не сравниваются между собой послѣдовательно, не рассматриваются, какъ отдѣльныя части какого-нибудь класса, закона, системы, и не изслѣдуются въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ, но представляются совершенно отдѣльными, прочувствованными каждое совершенно самостоятельно съ по-

трясеніями глухими непрерывныхъ душевныхъ волненій. Душа испытываетъ тогда не быструю смѣну своихъ мыслей, своихъ пережденій, но сотрясенія отъ каждаго толчка: стараясь избавиться отъ вліянія внѣшнихъ явленій, отъ самозабвенія, въ которое они ее увлекаютъ, она впадаетъ въ него и, ощушая свое существованіе въ этихъ болѣе сильныхъ впечатлѣніяхъ, вникаетъ въ то, что они представляютъ для нея, и тотчасъ испытываетъ чувства ненависти или любви, отвращенія или симпатіи, которыя, благодаря художественному обману, являются весьма сильными, хоть и совершенно невинными.

Ни „Война и Миръ“, ни „Анна Каренина“, ни „Воспоминанія“, ни „Севастопольскіе Разказы“, не смотря на громадное количество фактовъ, содержащихся въ нихъ, не имѣютъ цѣлью дать свѣдѣнія объ эпохѣ, странѣ и людяхъ, о которыхъ въ нихъ говорится: и главнымъ результатомъ отъ ихъ чтенія не является умноженіе познанія читателя. Наши волненія, размышленія, всепоглощающій интересъ, съ которымъ мы слѣдимъ за судьбами дѣйствующихъ лицъ, болѣзненное стремленіе разрѣшить задачи,

которыми они занимаются, любовь или ненависть къ нимъ, наконецъ, чувства, которыя эти романы обнаруживаютъ въ своемъ авторѣ, именно выборомъ элементовъ, ихъ составляющихъ, и тономъ, въ которомъ они написаны — вотъ дѣйствительныя слѣдствія чтенія ихъ и причины, побуждающія насъ къ его продолженію. Конечная и вполне достигнутая цѣль этихъ реальныхъ произведеній, подробно и вѣрно воспроизводящихъ дѣйствительность, состоитъ въ томъ, чтобы заставить почувствовать сущность человѣческой жизни по пылкому тону и увлеченію, съ которыми она описана, а затѣмъ — въ томъ, чтобы выразить и заставить полюбить нѣкоторыя ея стороны, относиться съ ненавистью къ другимъ и, однимъ словомъ, смотрѣть на нихъ съ тѣми скрытыми и особенными ощущеніями, которыя испыталъ самъ наблюдатель при видѣ того собранія образовъ и мыслей, которое было въ немъ призракомъ его произведеній.

Произведенія Толстаго стремятся къ изображенію цѣлаго общества: они охватываютъ, какъ среднее содержаніе его, такъ и крайности положеній и происшествій, характеровъ, сценъ, возрастовъ; они воспро-

изводятъ его не свысока или издали, не смутно, при помощи синтезовъ и отвлеченностей, но вблизи, посредствомъ описаній, гдѣ читатель чувствуетъ себя какъ бы сталкивающимся лицомъ къ лицу съ дѣйствительностью, благодаря удивительной жизненности и индивидуальности дѣйствующихъ лицъ. Эти лица не изучаются въ какомъ-нибудь особенномъ приключеніи или въ какомъ-нибудь особомъ обнаруженіи той или другой изъ великихъ человѣческихъ страстей, но, прослѣженные шагъ за шагомъ въ своей внѣшней дѣятельности, въ своемъ умственномъ и тѣлесномъ развитіи, они показываютъ самое теченіе жизни и мыслей, существованія, времени въ человѣкѣ, подобно тому какъ измѣряютъ своимъ количествомъ и своимъ разнообразіемъ глубокую сложность народа. И исполненіе этой задачи является великимъ дѣломъ: и предполагаемое усиліе возбуждаетъ мало-по-малу въ читателѣ, который слѣдитъ за этимъ высокимъ предпріятіемъ, чувство умственного напряженія, порывы и задержки, радости и упадокъ духа, которые могъ испытывать и самъ писатель. По мѣрѣ того, какъ произведеніе развертываетъ многолюдныя извилины

своего теченія, какъ оно награждаетъ толпы, арміи, города, существованія, сцены, по мѣрѣ того какъ мало-по-малу раскрываются души, какъ старѣютъ и молодѣютъ умы и тѣла, — умъ читателя, наполняясь цѣлымъ міромъ внушенныхъ образовъ, привлекается этимъ зрѣлищемъ съ глубокимъ созерцаніемъ, съ недоумѣніемъ существа, которое своими раскрытыми глазами увидѣло бы встающій передъ нимъ темный и опредѣленный призракъ міра, гдѣ волнуются люди, подобные ему, волнуется человѣкъ. Все проходитъ мимо нашихъ глазъ и ясно обозначается въ этомъ стремительномъ и содержательномъ, какъ обширная рама, искусствѣ. Рука писателя устраняетъ тѣнь, читатель замѣчаетъ теченіе и разнообразіе человеческой жизни. Онъ узнаетъ всю цѣльность этого зыбкаго и пестраго міра: арміи стягиваются и разсѣиваются, семейства расходятся, встрѣчаются, старѣютъ и опять молодѣютъ, существа растутъ, скрещиваются и умираютъ; поля покрываются льдомъ и опять зеленѣютъ, великія народныя толпы валяются подъ дворцами или во мракѣ... тоскующіе люди размышляютъ о жизни и смерти; блескъ красоты украшаетъ лице

молодыхъ женщинъ и увядаетъ на немъ перемѣнчивая игра душевныхъ оттѣнковъ трепещетъ, усиливается, ослабѣваетъ и уско-ряется; проходятъ измученныя смертель-нымъ холодомъ лица. И, пока эта путаница людей и вещей проникаетъ въ его умъ и проектируется вдали, въ пустомъ мѣрѣ мысли, читатель трепещетъ и, смущенный слишкомъ обширными перспективами, блуждаетъ среди этой вызванной картины всего существующаго, среди всего этого міра, представляющагося вблизи въ непосредствен-номъ откровеніи, которое съ одинаковой силою рисуется мѣстности и открываетъ сердца. Онъ принужденъ ощущать все въ отчетливомъ, но темномъ освѣщеніи блеска молніи, съ глазами, совсѣмъ близкими, и съ удивленіемъ, открывающими суть вещей, узнающими души неизвѣстныхъ лучше, чѣмъ друзей, и говорящими на обширной сценѣ жизни о дарахъ внутренней и необыкно-венной пронизательности, какъ бы о суще-ствѣ обыкновенномъ и снабженномъ не-тронутыми чувствами. Старые виды небесъ и горизонтовъ, великія и древнія сцены полей, путешествій, войны, городовъ — всѣ безчисленныя церемоніи общественной жи-

зни, отъ которыхъ онъ отвернулся съ равнодушіемъ, снова представляются ему опредѣленными и воспроизведенными при помощи точнаго и пристально всматривающагося зрѣнія обаятельнаго художника, ясный взглядъ котораго умѣетъ схватывать истинныя очертанія предметовъ. Въ этихъ подвергавшихся упрекамъ страницахъ молодости, безцвѣтныхъ и кричащихъ, но опредѣленныхъ въ своихъ тонкихъ чертахъ, живутъ мужчины и женщины, обладающіе отличною, пылкой или грубой душою, но показанные намъ лицомъ къ лицу и внезапно узнанные однимъ мгновениемъ, однимъ словомъ, однимъ звукомъ, подобно тому какъ чувствуешь, узнаешь свое сердце.

Будетъ ли то лихорадочный румянецъ Наташи, или сомнительныя рѣчи Анны Карениной, или презрительная гримаса князя Андрея, или князь Николай, трепещущій въ ожиданіи случая пустить полкъ въ атаку, — увлеченный, лишенный своей воли и проницательный читатель чувствуетъ себя мало-по-малу отождествляющимся съ этими существами и передъ движеніями ихъ умовъ находится какъ бы лицомъ къ лицу передъ самимъ собою въ тѣ минуты, когда по одной

улыбкѣ мы чувствуемъ и открываемъ внезапно всѣ мелочи своей собственной природы и узнаемъ, на-сколько она намъ знакома, отлична отъ другихъ, извѣстна, удивительна и лукава.

Личности проходятъ взадъ и впередъ: онѣ живутъ, измѣняются, развертываютъ мало-по-малу ходъ своей дѣятельности и природы; между "внѣшнимъ и внутреннимъ ихъ характеромъ" устанавливается та игра дѣйствій и противодѣйствій, нападеній и сопротивленій, которая составляетъ суть жизни: читатель присутствуетъ при постепенномъ возвышеніи и при упадкѣ ихъ характера. При этомъ, искусство, съ которымъ разнообразіе фазисовъ измѣняетъ и въ то же время сохраняетъ несокрушимое постоянство особыхъ личностей, такъ художественно, и онѣ показываются при всякомъ поворотѣ рассказа и различными, и тождественными съ такой неоспоримой очевидностью дѣйствительности, что всѣ эти измѣненія карьеръ, перемѣнчивыхъ душъ, новыхъ лицъ, послѣдовательныхъ происшествій, въ концѣ концовъ, таинственно увлекаютъ, въ своемъ теченіи, читателя въ нѣмой водоворотъ видѣній и тѣней.

Впечатлѣніе — единственное въ своемъ родѣ: производитъ оно странное ощущеніе. Эти романы неодолимо принуждаютъ читателя приближаться къ дѣйствующимъ лицамъ, принимать участіе въ происшествіяхъ, чувствовать себя какъ бы касающимся къ этимъ всѣмъ существамъ, находящимся съ героями рядомъ, сопровождающимъ ихъ, потеряннымъ среди окружающей ихъ толпы въ качествѣ невидимаго свидѣтеля ихъ размышленій и уединенія.

Въ этомъ сложномъ синтезѣ, гдѣ представляются всѣ возрасты, всѣ характеры, всѣ степени разума и нравственности, великія происшествія и маловажные, обыкновенные факты, интересъ сосредоточивается и останавливается не на одномъ данномъ положеніи и не на одномъ данномъ характерѣ, но именно — на совокупности этого искусственнаго міра, сохраненнаго какимъ-то чудомъ, обширнаго до того, что каждому человеку можетъ казаться, будто онъ живетъ въ немъ. Дома, поля, дни, ночи, самый ходъ жизни, исторіи, общества русскаго находятъ въ этихъ книгахъ ясное выраженіе: здѣсь встрѣчаются люди, достойные дружбы или ненависти, женщины, достойныя любви,

существа, вызывающія улыбки радости, и нѣкоторые, естественно, люди не пріятные. Черты дѣйствующихъ лицъ знакомы и не отличаются отъ обыкновенныхъ чертъ людей: въ нихъ встрѣчаются радушныя семейства, пышныя салоны, простолюдины и солдаты; завязываются пренія о вѣчныхъ вопросахъ, которые могутъ обмѣняться самой пустой болтовнею; тутъ люди стремятся, волнуются и размышляютъ съ безконечнымъ разнообразіемъ подобныхъ намъ людей. Въ этой-то обширной драмѣ разыгрывается сама жизнь: зрители принадлежатъ пьесѣ; они не выходятъ изъ самихъ себя, но, увлеченные прелестью этого искусства, предаются прекрасному и удобному случаю — продолжать свое обычное существованіе въ мірѣ вымысла, въ мѣстѣ свободномъ отъ страданій и отъ унижающихъ заботъ о себѣ, но проникнутомъ атмосферой мечтаній и огромнаго, сложнаго, темнаго, отрывочнаго, обширнаго, чернаго тумана, до такой степени непосредственно знакомаго, вслѣдствіе близости, что читатель теряетъ и опять находитъ себя въ немъ, подобно прохожему въ обширномъ зеркалѣ глубокихъ водъ, гдѣ неподвижно

отражаются небо, окружающая мѣстность и самъ онъ, который разузнаетъ свою тѣнь среди многоразличныхъ отраженій.

Подобно тому же прохожему, который, очарованный и приведенный въ молчаніе этимъ безмолвнымъ призракомъ своего лица и берега, проходитъ мимо и удаляется, сначала затронутый смутнымъ страхомъ, затѣмъ снова охваченный безопасностью и болѣе реальными мыслями, читатель Толстаго чувствуетъ себя во время теченія разсказа смутно, но отталкивается, кажется отъ представляемаго имъ зрѣлища. Постоянно чувствуется, будто писатель намѣревается сдѣлать большое усиліе, чтобы ограничить свой необъятный сюжетъ: но онъ безпрестанно изнемогаетъ и уклоняется, и отказывается отъ этого, какъ бы не заботясь болѣе о предпринятой задачѣ; сцены набрасываются недоконченными, едва отмѣченными какими-то чертами, великіе кризисы дѣйствующихъ лицъ обозначаются въ сбивчивыхъ и смутныхъ выраженіяхъ, описанія главныхъ дѣйствій, начатыя съ лихорадочной пылкостью, ослабѣваютъ въ запутанныхъ фразахъ; изложеніе мыслей выдаетъ неизмѣримую усталость, которая пор-

титъ психологическіе анализы, притупляетъ діалоги, помрачаетъ портреты; изложеніе то подчеркивается, то дѣлается утонченнѣе, то тяжелѣетъ и истощается, искусство дѣлается ребяческимъ и неуклюжимъ; страсть ослабѣваетъ и колеблется послѣ нѣсколькихъ подавленныхъ вспышекъ. Видно, авторъ, съ отягченными глазами и окоченѣлыми руками, съ трудомъ везетъ до конца ношу своего творенія. Повидимому, Толстой отрывается отъ зрѣлища жизни, опять привязывается къ нему или покидаетъ его, выражая его въ медленныхъ ритмахъ интереса, унынія и забвенія.. Читатель чувствуетъ на губахъ своихъ горькій вкусъ этого разочарованія: косвенная, безмолвная иронія, скрытое недовольство вкрадывается въ видѣ неограниченнаго желанія чего-то другаго, помимо реальнаго, въ его мало-помалу утомляющійся умъ, хоть въ книгѣ и нѣтъ ни одного признанія, хотя ни одна страница не выражаетъ разочарованія писателя и не даетъ читателю права быть увѣреннымъ; радость творенія и существованія, радость ощущенія силы оживляется безпрестанно и угасаетъ въ его умѣ, подобно пламени, которому угрожаетъ опас-

ность, которое плохо питается и горитъ напрасно. Зданіе воздвигается съ трудомъ: оно протягиваетъ сюда и туда свои низенькія, сѣрыя и полуустроенныя стѣны; оно доведено кое-какъ до конца и заключаетъ въ своихъ смутныхъ очертаніяхъ безграничное пространство и огромное число людей; люди роковымъ образомъ входятъ туда, блуждаютъ, остаются тамъ и испытываютъ далеко не успокоительное волненіе, проникая въ это царство тѣней; привлеченные и удерживаемые вначалѣ очарованіемъ, они чувствуютъ затѣмъ свое освобожденіе изъ крѣпкой руки самого чародѣя и, будучи покинуты, сомнѣваясь, ощущая смутное и грозное присутствіе трансцендентнаго нигилизма, обходятъ всѣ обширный, наполненный какими-то дуновеніями, покинутый, опустошенный, потемнѣлый дворецъ, изъ котораго удаляется мало-по-малу духъ хозяина, направляясь къ отдаленнымъ убѣжищамъ равнодушныхъ людей.

Онъ исполняетъ свою задачу безъ удовольствія и безъ ревности медленными движеніями своихъ то крѣпкихъ, то слабыхъ рукъ: онъ собираетъ матеріалы для своего созданія, то-есть сѣрую толпу дѣйствующую

щихъ въ его романахъ лицъ, распоряжается землею, на которой они живутъ, переѣзживаетъ теченіе происшествій и, окончивъ несовершенно и медленно эту гигантскую, но внушительную своимъ величіемъ и правдивостью задачу, самъ садится и созерцаетъ ее разсѣянными, далекими и мечтательными глазами, какъ бы не причастный къ этому міру и къ изображенію его, сдѣланному имъ самимъ, какъ бы отрѣшившись уже отъ нихъ обоихъ и предчувствуя какую-то послѣднюю болѣе священную и болѣе почитаемую дѣйствительность.

Тѣ, которые прочли его, которые были поражены, насколько оригинальной, настолько и правдивой внѣшностью этого художественнаго произведенія, этимъ внутреннимъ единствомъ, изобиліемъ, переменчивостью и постоянствомъ дѣйствующихъ лицъ, его сложностью и той непосредственностью и нелогичностью будто представленія, которыя дѣлаютъ его столь равнымъ дѣйствительности и такъ же неоспоримымъ, какъ и она, очарованные до того, что переносятъ нѣсколько минутъ своей жизни въ эти книги, — колеблются въ недоумѣніи передъ этимъ презрѣніемъ и передъ этой заботой о другихъ

предметахъ. Когда они преодолѣютъ это безпокоящее ихъ изумленіе, — является загадка относительно этой души, господствующей надъ дѣйствительностью, души угадывающей, обширной, какъ это громадное пространство новѣйшаго міра, изобилующей творческой энергіей и не увлекающейся ни этими дарованіями, ни предметами, на которыхъ они примѣняются, ни зрѣлищемъ ихъ творенія, ни видомъ дѣйствительности, которыхъ оно равняется, ни этимъ человѣчествомъ, которое, однако, она любитъ и котораго привязанности, кризисы, печали и всѣ радости она чувствуетъ.

Никто наравнѣ съ графомъ Толстымъ не возбуждаетъ постоянно ощущеній простаго, человѣческаго, бѣлаго, розоваго, краснаго, мягкаго тѣла, пропитаннаго кровью, пересѣченнаго костями и нервами, округленнаго въ форму различныхъ членовъ, или толстыхъ или тонкихъ, и производящаго то почти скотское понятіе общности, теплаго соприкосновенія, происходящаго среди „массъ“, на поляхъ битвы, въ госпиталяхъ, — вездѣ, гдѣ люди падали духомъ или перемѣшались между собою послѣ потери того, что дѣлаетъ изъ cadaго изъ нихъ отдѣльную личность.

Возьмемъ ли мы въ „Войнѣ и Мирѣ“ это купаніе цѣлаго полка, при которомъ присутствуетъ князь Андрей, купанье этого пушечнаго мяса, среди котораго ему суждено было быть истерзаннымъ гранатой, — или зрѣлище заботъ о чистотѣ, которое представляютъ военноплѣнные, увлекаемые отступающей великой арміей, — или еще случай, когда князь Пьеръ, находясь рядомъ съ княжной Еленой, охваченъ сладострастіемъ, при видѣ трепещущихъ и дышащихъ плечъ этой великолѣпной женщины, — или когда Николай Левинъ, исчахнувшій и умирающій отъ чахотки, надѣваетъ, въ послѣдній разъ, чистую рубашку на свои исхудалые члены: вездѣ писатель научаетъ и внушаетъ глубокое чувство братства по плоти, которое растрогиваетъ и, въ концѣ концовъ, крѣпко соединяетъ людей между собою могущественными узами любви къ собственной плоти. Поля битвъ съ липкой и черной отъ крови почвой, лазареты полные стонovahъ, криковъ, ампутированныхъ ногъ, зловонныхъ испареній... бываютъ мѣстами проявленія челоуѣколюбія, равно какъ и тѣ шевелящіяся, благоухающія болтливыя толпы праздничныхъ дней, какъ и ватаги пахарей,

напрягающихъ потныя мышцы подъ зноемъ солнца, какъ и эти балы, гдѣ мужчины и женщины обмѣниваются въ томныхъ взглядахъ безмолвными, трепетными призывами къ изліяніямъ сладострастія. Въ описаніи взятыхъ городовъ, оргій, супружескихъ нѣжностей, огромныхъ тѣлъ, опирающихся или отдыхающихъ на постеляхъ и креслахъ, Толстой умѣетъ постоянно представлять физическую личность своѣго героя, которую въ послѣдствіи описываетъ и опредѣляетъ, хотя она уже знакома намъ, какъ бы въ слѣдствіе прикосновенія во мракѣ, и мы ее уже ощутили теплой, волосатой, мягкой и совершенно похожей на ту, которая и есть сама жизнь каждаго человѣка.

Эти существа, возбуждающія симпатіи могущественнымъ побужденіемъ плотскаго родства, представляются нѣжными и добрыми и связываются, кромѣ того, склонностью, сердечной привязанностью, глубокой и упорной любовью, которую питаютъ къ родной почвѣ. При этомъ слѣдуетъ устранить всякую мысль о приторности, добродѣтельной сентиментальности, искусственномъ украшеніи истины: здѣсь нѣтъ тѣхъ жеманныхъ изліяній, тѣхъ приторныхъ нѣж-

ностей, которыя во французской литературѣ дѣлають отвратительными изображенія семейной жизни; видна одна только мужественная и здоровая истина, которая заключаетъ въ себѣ оскорбленія, столкновенія, смѣшныя стороны, однообразіе существованія многихъ людей, но которая, съ другой стороны, сообщаетъ свою вѣрность, свое достоинство, свою мягкость, свою веселость, свой архаическій и патриархальный обликъ. Ощущеніе сердечной симпатіи, возбуждаемое зрѣлищемъ хорошо направленныхъ и счастливыхъ человѣческихъ существованій, вызывается союзомъ любящихъ другъ друга Левина и его жены Китти, природнымъ благородствомъ ихъ положенія, которое умѣряется такъ правдиво посредственностью ихъ мыслей, ихъ склонностями настолько же простыми, какъ и ихъ поступки, всѣми обыкновенными приключеніями ихъ хозяйства, странными припадками ревности мужа по мѣрѣ постепеннаго превращенія жены въ хозяйку, не отличающуюся великимъ талантомъ. И это столь прелестное, правдивое изображеніе обыкновеннаго супружества еще далеко отъ семейныхъ сценъ въ „Войнѣ и Мирѣ“, жизни въ усадьбѣ и въ

домѣ Ростовыхъ съ ихъ дѣтьми, друзьями и слугами. Чувство удовольствія проникаетъ глубоко въ сердце читающаго эту чудесную идиллію, полную радости, граціи, веселости, блаженства, истинной доброты, гдѣ проводятъ свою добродушную старость оба родителя, окруженные шаловливыми, нѣжными и тонкими личиками молоденькихъ дѣвочекъ, маленькимъ мечтателемъ Петей среди толпы гостей и приживальщиковъ, среди служанокъ, управляющихъ, лакеевъ и псарей. Таковы въ началѣ легкая сцена тревоженій, игрушечныхъ любовныхъ страстей и игръ дѣтской, затѣмъ поразительный эпизодъ того вечера, въ который Наташа, колеблющаяся между своими поклонниками, бѣжитъ, чтобы спрятаться въ постели своей матери, когда та уже ложится, и радостно пересказываетъ ей свои горести, — или еще жизнь маскарадовъ, бессонныхъ ночей, безумной санной ѣзды, охоты и невинныхъ интригъ въ продолженіе цѣлой зимы въ Отрадномъ: симпатія, пріятный и подкрѣпляющій интересъ къ радости этихъ добродушныхъ людей становятся глубокими и благодѣтельными.

Подобно тому, какъ Толстой умѣетъ

показать истинную прелесть домашней жизни, онъ описываетъ, еще и любить заставляетъ свободную взаимную привязанность людей, товарищество, дружбу, братство, привязанность и взаимную помощь крестьянъ одной и той же общины, привязанности солдатъ одного и того же войска, ополченіе „массъ“, или въ частности — связь Вронскаго съ этимъ неповоротливымъ, высокимъ гвардейскимъ офицеромъ Явшинымъ, или Николая Ростова съ Денисовымъ. Истина безъ прикрасть одинакова и вызываетъ сердечныя симпатіи. Наконецъ, Толстой умѣетъ воспроизводить съ могущественнымъ реализмомъ инстинктивный патріотизмъ „массъ“ и вождей. Великое душевное движеніе, общающее спокойную увѣренность героизма молчаливымъ войскамъ Бородинскихъ защитниковъ, слезы Кутузова при извѣстіи о первомъ движеніи назадъ Наполеона, поучительное бѣгство всего населенія Москвы являются грандіозными и крупными картинами, припоминающими даже самымъ вольнодумнымъ умамъ любовь къ родной землѣ.

Еще глубже и въ болѣе общемъ смыслѣ эти личности воодушевлены и одушевляютъ другихъ добротой, всѣми благотворными

страстями сожалѣнія, единенія, согласія, услужливости, которыя дѣлають жизнь въ обществѣ возможной и драгоцѣнной: онѣ проникнуты и заставляють другихъ проникаться той глубокой, серьезной нравственностью, тѣмъ внимательнымъ и мужественнымъ настроеніемъ духа при великихъ задачахъ жизни, постояннымъ созерцаніемъ ея предѣла и ея цѣли, которое заставляетъ согласовать человѣческія дѣйствія съ принципами, со системой совершенно категорическихъ истинъ.

Вслѣдствіе ли особеннаго свойства славянской расы, или вслѣдствіе личной склонности писателя, люди у Толстаго по природѣ добры: они движутся къ ближнему первоначальнымъ чувствомъ любви, инстинктивно расположены къ довѣрію, къ состраданію, способны чувствовать, вопреки іерархическимъ и другимъ общественнымъ предразсудкамъ, таинственныя братскія склонности, принуждающія, въ концѣ концовъ, людей поступать по-человѣчески въ отношеніяхъ другъ къ другу. Это элементарное и почти животное добродушіе, смѣшанное съ недалекими взглядами Левина и его жены, съ надменностью Вронскаго, съ восторжен-

ной горестью Анны, съ сухой ограниченностью Каренина, обнаруживается чистымъ и могущественнымъ въ цѣлой группѣ людей и съ высокимъ общественнымъ положеніемъ, и въ мрачной картинѣ смерти Николая Левина, гдѣ его братъ со своей женою приходятъ и садятся у изголовья этого бѣднаго умирающаго рядомъ съ проституткой, которую онъ превратилъ въ свою сожительницу, и является болѣе возвышеннымъ и прекраснымъ тамъ, гдѣ измѣняющая своему мужу, который знаетъ это, Анна, опасаясь, что она умретъ въ родахъ дочери отъ своего любовника, сводитъ руку чело-вѣка, которому она жертвовала собою, съ рукою чело-вѣка, которому она измѣнила, и заставляетъ Каренина простить своего врага съ такимъ благородствомъ, что Вронскій смущается очень, когда ему приходится при-вѣтствовать того, котораго онъ презиралъ. Сравнимъ эти проявленія серьезной, весьма глубокой и простодушной гуманности, со старческой добротой старика Ростова, съ безграничной слабостью великана Пьера, замѣтимъ, что самой важной сценой „Войны и Мира“ является та, гдѣ рядовой Каратаевъ среди вонючаго мрака конурки,

полной военноплѣнныхъ, рассказываетъ почти евангельскую исторію о купцѣ, несправедливо осужденномъ за убійство, радостно страдающемъ и прощающемъ злодѣя, изъ-за котораго онъ умираетъ въ каторгѣ, — и тогда мы поймемъ, что окончательное впечатлѣніе этой книги битвъ — религіозно, морально и проникнуто доброжелательностью и любовью.

Главные между этими лицами, столь близкими къ добродѣтели, чувствуютъ смутно или ясно необходимость оправдывать передъ своей совѣстью свои дѣйствія и страдаютъ отъ того, что всякому мыслящему человѣку невозможно жить справедливо и счастливо для самого себя, когда онъ самъ является эфемернымъ явленіемъ, имѣющимъ среднимъ числомъ продолжительность не больше шестидесяти лѣтъ. Любимые герои Толстаго занимаются разрѣшеніемъ этой задачи, самой трудной и неизбежной изъ окружающихъ человѣка въ зрѣлыхъ лѣтахъ, когда онъ замѣчаетъ, что онъ смертенъ, — и рѣшаютъ ее съ грустной и томительной серьезностью, съ ревностью и упорнымъ безпокойствомъ, свойственными людямъ, не могущимъ жить долѣе' подъ гнетомъ этой

заботы. Брошенные въ случайности смутной эпохи, будучи, по большей части, военными, придворными или досужными и богатыми людьми, они озабочены этой послѣдней загадкой: всѣ они ищутъ отвѣта, умиряющаго противорѣчіе между желаніями ихъ и вѣрованіями. Князь Андрей Болконскій, этотъ сухой, откровенный, рѣзкій человекъ, который привязанъ къ жизни весьма тѣсными узами, беспокоится и раздражается, живетъ, какъ придется, обольщается притворной завистью до тѣхъ поръ, пока какое-то ядро не сваливаетъ его на землю и не принуждаетъ его погрузить свои мерцающіе глаза въ мирное небо, не оскверненное ни дымомъ, ни кровью, ни криками битвы. Непоправимая смерть его жены, невозможность загладить свои жестокости противъ этого легкомысленнаго существа, снова погружаютъ его въ горе и волненія... И вотъ опять въ одинъ морозный и ясный вечеръ онъ выслушиваетъ и почти принимаетъ слова князя Пьера объ обѣтованіи будущей жизни и существованіи личнаго Бога, вселяющія въ него силу жить и надѣяться. Радость, честолюбіе снова овладѣваютъ имъ: онъ вмѣшивается въ обще-

ственныя дѣла, влюбляется, ему измѣняютъ, онъ возвращается къ войнѣ и, смертельно раненный на полѣ сраженія, цѣликомъ погружается, при приближеніи мрака, въ то безмолвное размышленіе о смерти, восхитительное созерцаніе непознаваемаго, когда его не трогаютъ болѣе ласки его сына и его возлюбленной. Съ еще большимъ усердіемъ и съ болѣе тревожными мученіями графъ Пьеръ Безуховъ, безпокоясь и чувствуя огвращеніе къ грубымъ наслажденіямъ, которыми старается обмануть свою духовную потребность въ вѣрѣ, бросается сюда и туда къ поискамъ руководящаго правила, магическаго слова, могущаго дать какой-нибудь смыслъ его дѣйствіямъ, и, полный отчаянія, встрѣчается со страннымъ человѣкомъ, толкующимъ о Богѣ и о будущей жизни по формуламъ франкмасонства. Онъ бросается въ это ученіе и тотчасъ же убѣждается въ пустотѣ философіи и морали его, снова впадаетъ въ свою угрюмость, въ свое распутство и въ это-то время, при приближеніи французской арміи, дѣлается свидѣтелемъ полной увѣренности, вѣры и радости, которыя одушевляютъ народныя „массы“ и арміи. Охваченный заразою;

воспламененный пылкимъ патриотизмомъ, онъ покидаетъ свой дворець, смѣшивается съ черною и питаетъ нѣкоторое время намѣреніе убить Наполеона. Одна бесѣда разсѣиваетъ этотъ порывъ свирѣпости: онъ устрашается при видѣ казни нѣкоторыхъ изъ своихъ сотоварищей и, оскорбленный, обезсиленный, растерявшійся, снова соединяется съ ватагою военноплѣнныхъ, гдѣ бѣдственное его существованіе, эта жизнь покорности и безопасности, примиряють его мало-по-малу и дѣлають его доступнымъ къ смиреннымъ словамъ добродушнаго, кроткаго и умнаго крестьянскаго солдатика, дышащаго какою-то пріятной свѣжестью почвы. Сравнимъ это спасеніе путемъ упрощенія ума и очищенія жизни съ обращеніемъ Левина — вслѣдствіе простодушныхъ словъ одного мужика, что должно жить для другихъ; прочтемъ вторично рядъ моральныхъ разсказовъ, изданныхъ подъ заглавіемъ: „Поиски Счастія“, „Три Смерти“, „Смерть Ивана Ильича“, „Власть Тьмы“, „Иванушка Дурачекъ“, — и мы найдемъ и тамъ смиреніе духа, чистосердечность, воздержность и бѣдность, и намъ покажется, что произведенія Толстаго рекомендуютъ и

внушаютъ эти свойства съ заразительной умилительностью и съ откровенной настойчивостью, которыя составляютъ свойство не художника, а проповѣдника.

И дѣйствительно, склонность изображать только нравственныя стремленія чело-вѣка, желаніе возбудить одобреніе къ этимъ склонностямъ и возвести въ героевъ лица, которыя находятъ такія жалкія рѣшенія для загадокъ судьбы, заставляютъ русскаго романиста, вопреки его реализму и обширной его наблюдательности, допустить стран-ные пробѣлы въ описаніи чело-вѣчества. Весь обширный классъ развращенныхъ лю-дей, который за послѣдній полу-вѣкъ даетъ пищу нашей беллетристикѣ, имѣетъ у него представителями нѣсколько посредственныхъ личностей, а именно: князя Василя, Анатоля Курагина, его сына, и княжну Елену, его дочь, Долохова — въ „Войнѣ и Мирѣ“, нѣ-сколько великосвѣтскихъ дамъ — въ „Аннѣ Карениной“. Развращенность русскаго высшаго свѣта, которая была бы должна быть въ подробности извѣстна такому аристо-крату, каковъ графъ Толстой, едва встрѣ-чается въ его произведеніяхъ, равно какъ и отвратительные нравы черни и грубое

безпутство купцовъ. Величіе зла, художественная красота пороковъ, всѣ тѣ преступныя, страстныя и разсчитанныя дѣйствія, которыя пятнають огромными тѣнями челоѣческое общество, и строгимъ анализомъ которыхъ отличается „Человѣческая Комедія“, остается въ тѣни, и, когда русскій писатель осуждаетъ въ „Аннѣ Карениной“ преступную связь двухъ любовниковъ, которые страстно влюблены, изобличеніе ведется это со странной осторожностью: онъ пренебрегаетъ при этомъ описаніемъ порывовъ блаженства, которые должны были бы вознаградить за конечныя бѣдствія.

Равнымъ образомъ Толстому не удаются и оказываются выше его силъ и страсти ума: честолюбіе, страсть къ золоту, къ власти, вовсе не встрѣчаются въ его произведеніяхъ; логическія рѣшенія челоѣческихъ недоумѣній, эти великолѣпныя усилія разума примирить въ одной связной системѣ всѣ потребности его и знанія, едва разбираются въ „Аннѣ Карениной“ и при томъ грубымъ языкомъ челоѣка, не умѣющаго возвыситься до ихъ пониманія.

Писатель, который наравнѣ съ лучшими казался бы способнымъ представить личность

геніальнаго полководца, и подъ перо котораго попадается Наполеонъ, умѣетъ очертить намъ только нѣкоторыя анекдотическія смѣшныя черты его: когда ему представляется случай, по поводу войны, изложить свой взглядъ на философію исторіи, онъ придерживается самаго скуднаго и нелѣпаго ученія, усиливаясь объяснить все случайностью, темнымъ инстинктомъ „массъ“, и предпочитая безтолковое бездѣйствіе Кутузова всѣмъ рѣшительнымъ дѣйствіямъ его адъютантовъ и противниковъ.

Этими огромными пробѣлами и этими слишкомъ исключительными наклонностями намѣчаются предѣлы генія Толстаго и опредѣляется его характеръ.

Сбиваясь, въ ущербъ всѣмъ намъ, не надѣющимся найти такъ скоро художника, столь близкаго къ совершенству, съ объективнаго описанія жизни, не будучи въ состояніи воспроизвести всѣ ея проявленія, какъ зловредныя, такъ и похвалы достойныя. Толстой перешелъ отъ великой эпопеи „Войны и Мира“ къ болѣе скромному и фальшивому произведенію, къ „Аннѣ Карениной“, чтобы заняться впослѣдствіи маленькими повѣстями послѣдняго времени и,

наконецъ, дойти до тенденціозныхъ сочиненій, какъ „Моя Вѣра“ и „Что дѣлать?“ гдѣ обнаруживается узкій, обособившійся, отрѣщенный отъ свѣта умъ, который близокъ къ острому безумію самыхъ опасныхъ умалишенныхъ. Путемъ внутренней эволюціи, черты которой намъ предстоитъ сопоставить, Толстой пріобрѣлъ мало-по-малу слишкомъ напряженную, слишкомъ узкую и слишкомъ тенденціозную для художника индивидуальность. Постепенно переставая быть какъ бы ясновидящимъ, зеркаломъ, разумомъ всѣхъ формъ человѣческой души, доходя до признанія примѣрной одной только своей собственной и обнаруживая этотъ прозелитизмъ указаніями, настойчивыми стараніями, самовольными исключеніями и затѣмъ строго опредѣленными мнѣніями, Толстой сдѣлался изъ романиста проповѣдующимъ сектантомъ.

Человѣкъ, который былъ болѣе всѣхъ близокъ къ осуществленію этого примиренія со всѣмъ существующимъ, которое является основнымъ элементомъ всякаго великаго поэта и всякаго великаго мыслителя, оказывается въ настоящее время болѣе всѣхъ отдѣленнымъ отъ такого подчиненія.

Онъ только и печется о преобразованіи челоуѣка и общества, взвѣсивая наши безчисленные вѣка страданій, уроковъ, медленно пріобрѣтенныхъ правилъ да мечтательныхъ вдохновеній, успокоившихъ его безпокойную душу.

III.

По всему сказанному до сихъ поръ въ нашемъ изслѣдованіи мы уже знакомы съ крупными чертами генія Толстаго. Этотъ писатель, одинъ изъ самыхъ великихъ между реалистами, ощущаетъ и изображаетъ внѣшній міръ съ непосредственнымъ оригинальнымъ созерцаніемъ, съ проницательнымъ взглядомъ на его мелочи и тѣсную его связь, которыя представляютъ истину какъ бы недавно открытой и только что схваченной. Онъ въ совершенствѣ знаетъ челоуѣка, щедро надѣляетъ свои созданія признаками жизни: онъ обнаруживаетъ ихъ въ изобиліи, вливаетъ въ нихъ обособленную индивидуальность, заставляетъ ихъ, одаренныхъ податливымъ или строгимъ характеромъ, проходить всѣ степени дѣятельности и составляетъ группу своихъ твореній изъ личностей столь многочисленныхъ, столь различныхъ и столь живыхъ, что читатель

поражается этой многочисленностью и этимъ созданиемъ. Его твореніе широко воспроизводитъ міръ, поражаетъ своимъ огромнымъ развитіемъ, искусствомъ, стремящимся сравниться съ величіемъ, нелогичностью и самобытной дѣйствительностью, поставленной лицомъ къ лицу передъ нимъ въ столь близкомъ созерцаніи, что оно является новымъ и индивидуальнымъ. Читатель, плѣненный этими непреодолимыми прелестями, проникаетъ въ романы Толстаго какъ бы въ міръ, которому онъ принадлежитъ, трогается добротой, которой исполнены его дѣйствующія лица, волнуется огорченіями, которыми помрачаютъ ихъ загадки о смерти и о смыслѣ жизни, и погружается въ сѣрую атмосферу этихъ произведеній, подобно тому какъ человѣкъ теряетъ свою личность въ сновидѣніи.

Всѣ видѣнія, воспоминаніе о которыхъ представляется намъ, всѣ волненія, схватывающія насъ такимъ образомъ, первоначально существовали и трепетали въ душѣ великаго писателя, который увѣковѣчилъ ихъ въ своемъ произведеніи. Онъ первый, одаренный удивительной способностью ощущать и помнить, узналъ безконечное число

сторонъ природы, безчисленныя и странныя человѣческія проявленія; онъ сумѣлъ угадать вслѣдствіе какого-то невѣдомаго внутренняго созерцанія самого себя и другихъ, души и душевныя волненія, признаками которыхъ являются эти внѣшнія проявленія. Охватывая своимъ широкимъ умомъ всю индивидуальность отдѣльныхъ лицъ и то общее съ другими, которое замѣчается у нихъ, разнообразіе законовъ, тонкіе признаки ихъ постоянства, ихъ переменчивости, ихъ подвижности, онъ первый въ такой степени постигъ почти все пространство міра и нашего рода, созерцалъ это безпредѣльное зрѣлище своими глазами новатора и, воспроизведя его въ полнотѣ, сумѣлъ молча стать въ немъ на ряду со всѣми въ произведеніяхъ, которыхъ никто не можетъ считать себя чуждымъ. И, такъ какъ существенная особенность художника заключается въ познаніи вещей и людей не объективно и посредствомъ разума, но въ ихъ познаваемой чувствами сторонѣ, въ добротѣ этихъ личностей, въ ихъ любящей душѣ, въ ихъ нравственномъ благородствѣ, въ ихъ печальныхъ размышленіяхъ о смерти и покорности ихъ смиреннымъ рѣшеніямъ

проглядываютъ его добродѣтели, его мученія и его духовная простота, равно какъ въ ихъ неспособности разсуждать видна его собственная. — какъ его собственное отвращеніе ко злу замѣчается въ отводимой ему незамѣтной роли и его окончательное отрѣшеніе отъ всей совокупности жизни и свѣта въ отдаленномъ и усталомъ тонѣ, въ какомъ онъ говоритъ о нихъ.

Для всякаго, кто составилъ себѣ понятіе о порядкѣ вещей, лучшемъ существующаго или о такомъ, который не можетъ быть достигнутымъ роковой и постепенной эволюціею, дѣйствительность мало-по-малу перестаетъ быть удовлетворяющей; для всякаго, кто разсматриваетъ совокупность физическихъ и моральныхъ фактовъ не какъ доступную уму систему, выражающуюся въ законахъ, но какъ область и предметъ примѣненія ряда нравственныхъ правилъ морально достойныхъ похвалы, которымъ должно удовлетворять или съ которыми нужно сообразоваться, эта совокупность перестаетъ быть предметомъ спокойнаго созерцанія.

Если художникъ или мыслитель-реалистъ, принужденные наблюдать все реальное, не могутъ сообразовать свой умъ и свое про-

изведеніе съ этимъ неизмѣннымъ внѣшнимъ міромъ, ни принудить себя къ признанію справедливой необходимости вещей и къ признанію того, что опасность въ настоящемъ, обусловленная всѣмъ прошедшимъ, обусловливаетъ все будущее, то они, будучи поставлены между наукой и своими желаніями, находятся въ прискорбномъ смущеніи. Необходимость познать и невозможность любить то, что имъ противно, постепенное желаніе и неспособность уничтожить эти причины отвращенія или отвратить умъ отъ нихъ, эта необходимость покориться или отречься отъ себя, или страдать безъ удовлетворенія приводитъ такіе умы къ жестокой борьбѣ двухъ родовъ способностей души, взаимно затронутыхъ. У Толстаго чувство восторжествовало надъ разумомъ.

Будучи великимъ наблюдателемъ, этотъ писатель за время своей дѣятельности, къ сожалѣнію, вынесъ окончательное убѣжденіе относительно явленій и дѣйствій, зрѣлище которыхъ ему показывала жизнь. Онъ осудилъ и выбросилъ изъ своего произведенія тѣ, которыя по ихъ общему свойству являются зловредными, причиняютъ страданіе, противодѣйствуютъ наставленіямъ христіан-

ской морали, и изучилъ со слишкомъ большой симпатіей и настойчивостью тѣ, которыя обладаютъ противоположными признаками. Но дѣйствительность настолько же изобилуетъ развратностью, скорбью, жестокостью, насколько и чистотою, радостью и добротою: злодѣянія и распутство встрѣчаются въ ней рядомъ съ невинностью и воздержностью; страсть къ золоту, честолюбіе, жажда наслажденій, являются двигателями болѣе могущественными, чѣмъ противоположныя имъ добродѣтели. Только тотъ можетъ съ удовольствіемъ созерцать жизнь, естественно, кто съ одинаковымъ безстрашіемъ смотритъ на зло, изъ котораго она составлена, какъ и на добро: въ противномъ случаѣ, гнѣвъ и непріятности бываютъ безостановочны; человѣкъ отвращается отъ зла, негодуетъ или печалится, но перестаетъ быть компетентнымъ относительно его судьей.

Чувство грусти, отвращенія, отрѣшенія отъ міра, добровольной необдуманности, послѣдовало за этимъ внутреннимъ разладомъ между наклонностями писателя и зрѣлищемъ, которое его умъ былъ принужденъ созерцать, не будучи въ состояніи

любить или понимать его. По тону первых романовъ и по отсутствію трепещущихъ страстью мѣстъ, гдѣ авторъ, увлекаемый прелестью своихъ видѣній, ускоряетъ и замедляетъ свой слогъ, по пренебреженію подробностями, по медленному и усталому расположенію произведенія, читатель чувствуетъ бездну, которая разверзается между авторомъ и его владѣніемъ. Его книга рождается безъ радости, безъ веселаго крика матери: она выходитъ изъ-подъ его пера медленно и тяжело съ обманутой грустью человѣка, замѣчающаго пустоту всего, что его нервы заставляютъ его любить. Между зрѣлищемъ свѣта и душой, въ которой онъ отражался, образуется нѣчто, что производитъ тусклость изображенія. Въ продолженіе нѣкотораго времени Толстой сумѣлъ жить, скрывая свое отвращеніе подъ равнодушіемъ, подъ нежеланіемъ довести до крайности размысленіе о своемъ отвращеніи. Но этотъ нигилизмъ былъ отсрочкой рѣшенія, рѣшеніемъ тѣхъ, которые отрѣшаются отъ дальнѣйшаго размысленія. Предъ нимъ вставала загадка, отъ которой нельзя отдѣлаться нѣсколькими смутными жестами неудовольствія: представлялась мысль о смер-

ти. И вотъ тогда, чувствуя, что жизнь человѣческая составлена въ равной степени изъ несчастія и счастья, а свѣтъ изъ добра и зла, считая безмысленнымъ то, что существованіе индивидуумовъ длится до того, пока не исчезнетъ во мракѣ неизвѣстности, Толстой долженъ былъ отвѣтить голосу своей тоски и выбрать между своей привязанностью къ дѣйствительности, которая не могла быть у него откровенной, и своей любовью къ добру и счастью, своимъ стремленіемъ изъяснить зло и несчастіе, которому онъ долженъ былъ удовлетворить подъ страхомъ впасть въ отчаяніе.

Для всякаго разсудительнаго человѣка мысль о своей смерти и о смерти близкихъ къ нему является послѣднимъ испытаніемъ системы вѣрованій, на которой онъ создалъ свою жизнь. Большинство людей отдѣляются отъ этого вопроса, который ближе всего ихъ касается, благодаря своей глупости или страху, благодаря какому-то инстинктивному ужасу стать съ нимъ лицомъ къ лицу, который вполне свидѣтельствуешь объ ихъ внутренней несостоятельности. Многіе смутно удовлетворяются обѣщаніями религіи. Нѣкоторые, исходя изъ сожалѣнія

и любви къ самимъ себѣ, чувствуя, что они раздѣляютъ силу, въ которой несокрушимо лежитъ начало кратковременныхъ существованій, и утвержденные въ этой увѣренности своего существованія въ мірѣ, привыкаютъ не заботиться болѣе о своей судьбѣ и не печалиться о своемъ разложеніи больше, чѣмъ холодная земля, въ которой раскроется ихъ могила. Но для умовъ, подобныхъ уму Толстаго, которыхъ приводитъ въ негодованіе эта жизнь, и которые, въ концѣ концовъ, внезапно доходятъ до мысли, что она, будучи дурной и нелѣпой, въ то же время кратковременна, лишена надежды искупленія и не имѣетъ времени для переменъ, мысль о томъ, что послѣ шестидесяти лѣтъ согрѣшеній и страданій неминуемо наступитъ для каждого человѣка таинственная минута, въ которую онъ самымъ жалкимъ образомъ прекратитъ свое существованіе, межъ тѣмъ какъ этотъ шаръ не остановитъ своего бѣга въ пространствѣ и дни не перестанутъ слѣдовать другъ за другомъ, оказывается невыносимо горькой. Ему надо было, чтобы люди сдѣлались лучшими и болѣе счастливыми въ этой жизни, съ этой минуты, чтобы это

было дѣломъ легкимъ, простымъ, моментальнымъ. И самый гениальный психологъ нашего времени, тотъ, широкая душа котораго вникла и воспроизвела все обиліе разныхъ типовъ, который воспринялъ и установилъ болѣе всего правдиво самый обширный фрагментъ изъ зрѣлища всего міра, въ это послѣднее время дошелъ до выработки жалкаго руководства практической морали, содержащаго только какія-то правила, но такія, что они были бы способны служить доказательствомъ сумашествія самаго благочестиваго человѣка, если бы онъ попытался исполнить ихъ, которыя, однако, превознесены какъ легкія, удобоисполнимыя во всякое время, способныя дать немедленно полное счастье и резюмирующіяся въ слѣдующемъ наставленіи: не дѣлать ни въ какомъ случаѣ никому зла, даже ради защиты себя отъ зловредныхъ людей.

Эволюція — полная, и со времени Паскаля не было таковой въ такого рода умѣ. Толстой началъ свою дѣятельность съ литературныхъ произведеній, которыя охватываютъ и показываютъ все чудесное зрѣлище жизни, въ ея всеобъемлющей полнотѣ, затѣмъ мало-по-малу отрѣшился отъ него и ото-

рвался, вслѣдствіе медленной и глухой тоски по идеальной добродѣтели, колебался, нѣкоторое время недоумѣвалъ, что дѣлать, и продолжалъ смотрѣть на міръ съ внезапными приступами возвращавшейся нѣжности; затѣмъ онъ сталъ бороться съ загадкой о концѣ и причинѣ его существованія, забылъ его прелесть, его величіе, его сильный лучезарный расцвѣтъ, для того чтобы требовать отъ него отчета о значеніи его при наступленіи его конца, и залерся въ этой задачѣ, какъ колдунъ въ своемъ магическомъ ромбѣ, пренебрегъ настоящими рѣшеніями, вслѣдствіе презрѣнія и неспособности разума, и дошелъ, подобно послѣднему проповѣднику и отшельнику Портъ-Рояля, до ученія упрощенія, отрѣшенія отъ всѣхъ соціальныхъ обязанностей, отрицанія всѣхъ пожеланій и даже любви къ себѣ, къ своей собственной жизни, съ безумнымъ намѣреніемъ исключить въ этомъ воинственномъ мірѣ насиліе и зло человѣческихъ дѣйствій. Вотъ въ чемъ состояли фазисы умственного перерожденія Толстаго. И мы имѣемъ возможность измѣрить всю глубину этого упадка, сравнивая грандіозную, и къ счастью, сдѣлавшуюся достояніемъ литера-

туры эпопею: „Война и Миръ“ — съ повѣстями въ родѣ „Липы“ и съ могучими, но ребяческими нравоученіями въ родѣ „Перваго Винокура“ и „Власти Тьмы“.

Физическій и психическій обликъ чело­вѣка.

Писатель, достигшій 55-тилѣтняго возраста и предающійся въ настоящее время, послѣ созданія подобныхъ произведеній, такого рода занятіямъ, съ тщетнымъ намѣреніемъ наставлятъ смиренныхъ духомъ — какъ будто что-нибудь, кромѣ самой жизни, кромѣ жестокихъ фактовъ могло давать нравоученія, — прошелъ въ своей дѣятельности тѣ же фазисы, что и въ развитіи своей мысли. Этотъ чело­вѣкъ, который въ своей молодости обладалъ мускулистымъ и коренастымъ сложеніемъ, продолговатымъ лицомъ, выпуклымъ по бокамъ и округленнымъ сверху лбомъ, ясными глазами, глубоко погруженными подъ густыми бровями, сильно очерченнымъ носомъ, мясистыми круглыми губами, съ густой бородою, съ энергичнымъ и мужественнымъ, рѣзкимъ и добрымъ взглядомъ, настоящій русскій, который, будучи по происхожденію богатымъ дворяниномъ, участвовалъ въ кавказскихъ походахъ и въ оборонѣ Севастополя, кото-

рый исколесилъ Европу, жилъ въ Петербургѣ и Москвѣ на большую ногу, который былъ рѣзокъ и горделивъ, заносчивъ къ Тургеневу, который сдѣлался знаменитымъ и въ это послѣднее время завоевалъ своей славой Францію и Германію, внезапно отвернулся отъ своей натуры, отъ своего генія, отъ своей славы и, таинственно связанный заповѣдями своей совѣсти, отрекаясь отъ своихъ привычекъ, желаній, отъ употребленія своего могучаго разума, удалился отъ свѣта, отъ искусства, даже отъ пользованія своимъ богатствомъ. Подобно Левину, онъ встрѣтился по дорогѣ съ нищимъ духомъ, рѣчи котораго огласили его сердце, какъ бы внутренній голосъ, и такимъ образомъ этотъ Славянинъ, душа котораго, взбудораженная и оттолкнутая суровыми догматами западной науки, требовала отъ свѣта большаго количества доброты, чѣмъ та, которая въ немъ содержится, этотъ аристократъ, этотъ богачъ, этотъ великій писатель удалился въ деревню, пишетъ повѣсти для мужиковъ, занимается ручными работами, шьетъ сапоги и поправляетъ печи, раздаетъ свое имущество на милостыню, проповѣдуетъ народную жизнь.

отказъ отъ присяги, прощеніе обидъ, союзъ съ одной только женою, запрещаетъ разводъ, военную службу, насиліе, сопротивленіе злымъ, обиды, и грозитъ основать новую секту строгихъ и пасмурныхъ людей, патріархомъ которыхъ будетъ онъ самъ. Въ настоящее время онъ представляется высокимъ шестидесятилѣтнимъ старикомъ, съ длинными волосами, отброшенными назадъ съ изборожденнаго глубокими морщинами чела, лежащаго надъ болѣе впалыми, но твердыми и непоколебимыми глазами, со впалыми щеками вокругъ широкаго носа и съ прямымъ, выдающимся и крѣпко сжатымъ между крупными скулами ртомъ, съ длинной бѣлой бородой, падающей на широкія плечи, съ почтенной и твердой увѣренностью людей, всегда обладавшихъ вѣрой, съ благородной и строго радостной наружностью тѣхъ, которые тверды въ своей вѣрѣ.

Это окончательное положеніе, эта карьера, эти произведенія, только что изученныя нами, совокупность и столкновеніе умственныхъ способностей, предполагаемая этими первыми шагами и этимъ концомъ, являются страннымъ образомъ сложными.

Мы видѣли, изъ какихъ враждебныхъ элементовъ составлены оба творенія Толстаго, какъ первыя произведенія его являются широкими и непосредственными изображеніями природы и человѣка, какъ сама жизнь воспроизведена въ нихъ посредствомъ глубокихъ и скрытыхъ чертъ, которыми намѣчено ея откровеніе, или какъ живетъ въ нихъ дѣйствительной жизнью безконечное разнообразіе человѣческихъ душъ: души женщинъ, молодыхъ дѣвушекъ, дѣтей, солдатъ, людей, схваченныя прямо изъ разнообразной толпы, созданныя движимыми, переменчивыми, индивидуальными, реальными, взволнованными, шумными и настолько живыми, что остроуміе анализирующаго забывается передъ успѣхомъ и иллюзіей синтеза.

Это-то превосходство предполагаетъ у поэта чудесное дарованіе наблюдательности, воображенія и воспоминанія. При такихъ способностяхъ нужно было бы, чтобъ онъ, отрекшись, какъ бы отступникъ, отъ всего, чему учать изъ вторыхъ рукъ книги и традиціи объ окружающемъ насъ, воспринялъ острыми отъ природы чувствами истинно личныя и ему свойственныя впечатлѣнія изъ безпредѣльнаго окружающаго зрѣлища, —

чтобы разнообразныя изображенія предметовъ и людей, приведенныя въ стройную систему удивительно непрерывной памятью, не скученныя въ общія идеи, а строго расположенныя по рядамъ, открыли ему тайну своего развитія, какъ и своей природы. Чтобы подняться, наконецъ, отъ этого знанія существенныхъ и субъективныхъ внѣшностей, отъ этого знанія тѣлъ, фізіономій, дѣйствій, положеній, условій къ психическимъ движеніямъ, которыя обусловливаютъ ихъ или которыми оңи обусловливаются, Толстой долженъ былъ прежде всего владѣть безусловно точнымъ понятіемъ о единственномъ отношеніи человѣка къ душѣ, которое было ему доступно, объ отношеніи его души къ его рѣчи, и дополнить это созерцаніе при помощи чудесныхъ способностей къ аналогіямъ относительно другихъ, угадываніемъ переменъ въ отношеніяхъ между міромъ и существами, согласно съ разнообразіемъ этихъ послѣднихъ, смѣлыми, остроумными и инстинктивными гипотезами, абсолютнымъ психологическимъ воображеніемъ, которое открыло ему сердце простыхъ людей и женщинъ, равно какъ и умъ злыхъ людей и мыслителей. Если уве-

личить эти способности до того, когда ихъ проявленіе дѣлается неодолимымъ, если къ этому присоединить достоинства изложенія и расположенія, какъ разъ необходимыя для составленія литературныхъ произведеній посредственнаго типа, если принять во вниманіе преобладаніе знанія, воспоминанія, воображенія относительно лицъ надъ тѣми же качествами, относительно чистыхъ фактовъ, драмъ, исторій, — мы будемъ знать всѣ общія причины свойствъ произведеній Толстаго, ихъ реалистическаго содержанія, ихъ обширныхъ размѣровъ, ихъ болѣе психологическаго, чѣмъ драматическаго достоинства, и будемъ измѣрять силу этихъ дарованій по величію ихъ обнаруженія, по силѣ иллюзіи въ произведеніи, по симпатіи, по интересу, по притяженію, исходящимъ изъ нихъ.

Если теперь умъ, одаренный такимъ образомъ для ощущенія, для воспоминанія, для угадыванія умовъ, обладаетъ такой природой, что пріобрѣтеніе всѣхъ этихъ понятій о свѣтѣ не сопровождается одними и тѣми же чувствами и волненіями; если пріятныя чувства восторга, радости, душевнаго спокойствія слѣдуютъ преимущественно

за зрѣлищемъ и воспоминаніемъ дѣйствій непосредственно благотворныхъ для чело-вѣка; если писатель, постепенно укрѣпляя это чувство, предоставляетъ ему опредѣ-лять свои собственныя дѣйствія и побужде-нія, тогда какъ зрѣлище свѣта состоитъ изъ зла и добра, цѣлая часть дѣйствитель-ности всегда разсматривается имъ съ груст-нымъ расположеніемъ къ отвращенію, без-покойству, тоскѣ, отчаянію: тогда писа-тель будетъ пренебрегать, насколько это возможно, этой частью дѣйствительности, исключить ее изъ своей памяти, изъ своего воображенія и своего произведенія; но, такъ какъ не возможно не знать ея, такъ какъ его наблюдательныя способности без-престанно будутъ ему представлять ее, онъ мало-по-малу дойдетъ до чувства смущенія и отвращенія отъ зрѣлища, которое, по видимому, ему было предназначено вполне познать и прочувствовать. Но жизнь всѣхъ и своя собственная — не такой предметъ, отъ котораго можно отрѣшиться послѣ того, какъ она разсмотрѣна: подъ страхомъ несчастія, умопомѣшательства или само-убійства нужно, наконецъ, удовлетвориться ею, потому что она коротка, и представля-

емый ей удобный случай для счастья является единственнымъ. Поэтому-то Толстому нужно было бы или допустить, что все это не такъ, и прибѣгнуть къ традиционному отвѣту религій; но эта надежда вовсе не уменьшила бы его страданій, какъ наблюдателя по существу реалистическаго, — или же соединить посредствомъ высокаго умственнаго процесса съ общей идеею существованія зла идею его необходимости, его пользы, его постепеннаго уменьшенія, вслѣдствіе медленныхъ причинъ, которымъ онъ самъ содѣйствуетъ, и чувствовать себя участвующимъ въ этой будущности всемірнаго добра посредствомъ понятія его постояннаго пребыванія въ цѣломъ; но умъ Толстаго не способенъ къ этимъ созерцаніямъ, такъ что ни его наблюденія, отличающіяся въ типы, ни его дарованіе слова, подставляющее каждому индивидуальному предмету его родовое обозначеніе, не привели его къ обобщеніямъ и идеямъ. Поэтому ему оставалось только удалиться отъ общества въ его теперешнемъ состояніи, провозгласить, что счастье лежитъ въ практическомъ преобразованіи образа жизни каждаго и въ отреченіи отъ мучительнаго для

него разума и, наконецъ, формулировать изъ глуши своего уединенія ученіе, которое содержитъ наставленія о томъ, какъ достигнуть счастья, и которое, будучи немедленно признано убѣдительнымъ и удобопримѣняемымъ, бросаетъ даже на покинутый имъ свѣтъ, по крайней мѣрѣ, ложный отблескъ мира и доброты. Еще разъ, и притомъ въ одномъ изъ великихъ людей нашего времени, чувствительность, эта начальная форма отношеній между предметами и нами, восторжествовала надъ второй формой знанія, надъ разумомъ, и прекратила ея проявленіе.

Послѣ этого анализа окажется бесполезнымъ разборъ значенія принятаго Толстымъ рѣшенія задачи о жизни и смерти. Эта задача составляетъ предметъ для размышленія, не рѣшаемый нѣсколькими апострофами; его разборъ принадлежитъ тѣмъ, которые болѣе стремятся къ истинѣ, чѣмъ къ блестящимъ иллюзіямъ, и знаютъ только одну страсть: развивать свою душу до уразумѣнія системы міра.

Сочиненія Толстаго не являются созданіемъ безпристрастнаго мыслителя. Но всѣ тѣ, которые любятъ огонь жизни, вопреки

безпрестанному мерцанію его пламени, найдуть въ этихъ книгахъ самое великое и самое правдивое изъ фиктивныхъ изображеній этого свѣта, полнѣйшее по возможности воспроизведеніе крайнихъ разсвѣтовъ силы на нашемъ глобусѣ. Эти романы существуютъ, преисполненные жизни: они были бы — если бы были проникнуты меньшей добротою и болѣе холодной справедливостію — образцомъ, наброскомъ будущей человѣческой эпопеи. Тѣ, которые изучили благотворное вліяніе искусства, его способность усиливать жизнь напряженныхъ и благородныхъ волненій, изъ которой удалено пятно печали и эгоизма, увидятъ, что Толстой этими самыми своими сочиненіями исполнилъ призваніе, которое намѣтилъ себѣ позднѣе. Съ нихъ началъ и ими окончилъ онъ свое полезное существованіе.
